

Светлана Романова

Высшая Академия
Драконов
Миссия провалена?

Светлана Романова
Высшая Академия Драконов.
Миссия провалена?

<https://litres.ru/74073229>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я умерла в своём мире, и попала в тело нелюбимой приёмной дочери в могущественной семье драконов. Сводные братья - драконы ненавидят меня. Мой проводник по этому миру говорит, что я должна выполнить миссию, а именно умереть от руки любого из братьев, чтобы озлобить их. Миссия кажется простой, но на самом ли деле всё так просто, как кажется?

Его рука взлетает вверх, и длинные, сильные пальцы смыкаются на моем горле. Хватка медленно, неотвратимо усиливается. Воздух начинает поступать с трудом.

— Кажется, сейчас я выполню миссию, — хриплю я, с трудом проталкивая слова сквозь сжатое горло. И, к полному изумлению Делара, кладу свою ладонь поверх его, не пытаюсь оттолкнуть, а наоборот, помогая ему, усиливая давление. Мои пальцы переплетаются с его. — Ну же, сожми сильнее! Давай, закончи это.

Он ожидал борьбы, а получил это. Неплохой способ уйти. Красивый мучитель, готический антураж Вполне в моем вкусе. Я даже пытаюсь ему ободряюще улыбнуться.

И тут Делар резко отпускает меня.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	48
Глава 8	54
Глава 9	61
Глава 10	69
Глава 11	77
Глава 12	85
Глава 13	93
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Светлана Романова

Высшая Академия

Драконов. Миссия

провалена?

Глава 1

Ступеньки. Холодные, каменные, уходящие куда-то вверх и вниз в полумраке. Я стою на одной из них, вцепившись в резные перила, и пытаюсь понять, какого черта.

Вокруг — огромный зал, больше похожий на собор. Высоченные сводчатые потолки теряются во тьме, где-то под ними парят в воздухе фонарики, бросая трепетные, живые блики на стены. Вдоль стен тянутся бесконечные стеллажи с книгами, а по лестницам, которые, кажется, живут своей жизнью, то и дело снуют люди в длинных мантиях. Пахнет старой бумагой и воском. Похоже на Хогвартс. Серьезно? Последнее, что я помню — это визг тормозов и ослепляющий свет фар. Ощущения, что я сплю, нет и в помине. Все слишком реально: холод камня под босыми ногами, сквозняк, щекочущий лодыжки, тяжесть странного бархатного платья на плечах.

— Я обязательно её накажу, профессор.

Голос, низкий и бархатный, с ледяными нотками, заставляет меня вздрогнуть. Я поворачиваю голову, и мой взгляд упирается в говорящего. Ох. Мама. Просто ох. Передо мной стоит парень, сошедший со страниц самой грешной книги. Высокий, широкоплечий, в идеально скроенной темной мантии, которая только подчеркивает его стать. Темные волосы растрёпаны так художественно, будто над ними трудился лучший стилист преисподней. Но глаза Черные, бездонные, как два омуты, в которых прямо сейчас плещется чистейшая, концентрированная ненависть. И направлена она, без всяких сомнений, на меня.

Я со всей силы щипаю себя за предплечье.

— Ай! — вскрикиваю скорее от удивления, чем от боли. Больно. Значит, не сон.

— Истерика не поможет! — рычит красавчик. Его рука молниеносно обвивает мое запястье, пальцы сжимаются, как стальные тиски. Он дергает меня с лестницы и куда-то тащит.

Я не сплю! Не сплю! Мозг отчаянно пытается обработать происходящее, но вместо логических цепочек в голове взрывается фейерверк из вопросов. Где я? Кто этот парень? Почему он так на меня смотрит, будто я лично сожгла его семейную библиотеку и станцевала на пепле?

Внезапно на моем плече что-то теплеет и тяжелеет. Я снова вскрикиваю, скорее по инерции, и дергаюсь.

Брюнет резко дергает меня за руку, заставляя зашипеть от боли.

— Перестань. Теперь тебе никто не поможет!

Что-то мягкое и пушистое касается моей щеки. Я кошу глаза и вижу маленького зверька, похожего на помесь лисёнка и белки, с огромными фиолетовыми глазами и слишком умным взглядом. Он поглаживает меня кончиком своего хвоста по шее, и прямо в ухо раздается странный, шелестящий голос.

— Молчи и слушай, — шепчет он. — Кроме тебя, меня никто не видит и не слышит. Я твой проводник. Ты умерла в своем мире, и твоя душа попала в тело Виктории Солин. Теперь ты — приёмная дочь в могущественном клане Солин. У тебя есть трое сводных братьев, которые ненавидят тебя.

Я спотыкаюсь, но стальная хватка на запястье не дает мне упасть. Умерла? Попала в тело? Братья, которые ненавидят? Да это же сюжет третьесортного романа, который я бы скачала от скуки и бросила на второй главе!

— Просто чудесно! — вырывается у меня тихий, саркастический шёпот.

— Что сказала? — рычит красавчик, резко разворачиваясь. Мы стоим перед массивной дубовой дверью. Он толкает ее, буквально запихивает меня внутрь и захлопывает за моей спиной. Звук щелкнувшего замка кажется оглушительным.

— Это Делар, — продолжает вещать пушистый комментатор на моем плече, деловито умываясь лапкой. — Самый

младший из братьев. Твоя миссия — умереть от рук любого из них. И тогда ты сможешь жить в этом мире под другой личиной. Свободной.

Миссия — умереть? Да вы издеваетесь! Я только что умерла, спасибо, мне не понравилось, повторять не хочется.

— Что за бред! — шиплю, глядя на запертую дверь.

— Бред не бред, но сейчас ты ответишь за всё!

Голос Делара заставляет меня обернуться. Комната, в которой он меня запер, оказывается спальней. Огромная кровать под темным балдахинном, камин, в котором тлеют угли, и он — воплощение ярости и греха, медленно идущий на меня. Его ноздри хищно раздуваются, а на скулах играют желваки.

Он не останавливается, пока не впечатывает меня спиной в холодную стену. Его тело — раскаленная преграда, от которой невозможно уйти. Он так близко, что я чувствую жар, исходящий от него, и тонкий, горьковатый аромат полыни.

— Ты думала, я прощу тебе это? Думала, твои слезы и жалкие оправдания что-то изменят?

Понятия не имею, о чем он, но вид у него такой, будто я как минимум предала родину. Его рука взлетает вверх, и длинные, сильные пальцы смыкаются на моем горле. Не грубо, нет. Просто властное, предупреждающее прикосновение. Но потом хватка медленно, неотвратно усиливается. Воздух начинает поступать с трудом. Перед глазами плывут темные пятна.

Миссия — умереть от его руки. Зверек на плече молчит, видимо, наблюдает за представлением. Что ж, если это единственный способ выбраться из этого дурдома

— Кажется, сейчас я выполню миссию, — хриплю я, с трудом проталкивая слова сквозь сжатое горло. И, к полному изумлению Делара, кладу свою ладонь поверх его, не пытаюсь оттолкнуть, а наоборот, помогая ему, усиливая давление. Мои пальцы переплетаются с его. — Ну же, сожми сильнее! Давай, закончи это.

В его черных глазах на мгновение вспыхивает шок. Он ожидал борьбы, слез, мольбы о пощаде. А получил это. Его пальцы на миг дрогнули, хватка ослабла, но потом пальцы снова сжались с новой силой. Я чувствую, как сознание начинает ускользать. Неплохой способ уйти. Красивый мучитель, готический антураж Вполне в моем вкусе. Я даже пытаюсь ему ободряюще улыбнуться.

И тут Делар резко отпускает меня.

Воздух с болезненным свистом врывается в легкие. Я кашляю, хватаясь за горло, и сползаю по стене на колени, жадно дыша.

Делар отступает на шаг, глядя на меня сверху вниз так, словно я — диковинное и крайне ядовитое насекомое.

— Сумасшедшая, — выдыхает он. — Посиди здесь и подумай над своим поведением!

Он резко разворачивается и широкими шагами направляется к двери. Снова гремит замок, но на этот раз с другой

стороны. Я остаюсь одна, наедине с пушистым «проводником» и гудящей болью в горле.

— Ну и?.. — хрипло выдавливаю я, когда шаги за дверью затихают. Провожу пальцами по шее, ощущая саднящие следы его хватки. — Что происходит? За что меня так ненавидят братья?

— Виктория — приёмная дочь, которая всеми силами пыталась привлечь внимание братьев, тем самым только отвращая их от себя. Они воспринимают её лишь как занозу, — фыркает зверек, запрыгивая на бархатное кресло у камина. — Из последних событий, Виктория подсыпала старшему брату, Филиппу, редчайшее ядовитое растение в чай. Он едва выжил. А среднему, Риану, подбросила в комнату запрещенный артефакт, за хранение которого здесь отрубают голову. Так что ненависть Делара — это еще цветочки.

Я замираю с открытым ртом. Моя предшественница была настоящей гадюкой. И теперь мне за все это отдуваться.

— Можешь звать меня Флинт, кстати, — добавляет зверек, ковыряя когтем обивку кресла.

— Меня только что чуть не придушил красавчик-психопат, я умерла, воскресла в теле какой-то интриганки, и моя цель — снова умереть! Это самый идиотский квест в истории всех миров!

Я останавливаюсь перед огромным зеркалом в позолоченной раме и впервые вижу *себя*. Точнее, не себя. Из зеркала на меня смотрит незнакомая девушка. Хрупкая, с копной ры-

жих непослушных волос и испуганными глазами цвета ясно-го неба. Миловидное, почти кукольное личико, которое сейчас перекошено от гнева.

— А что, если я не хочу умирать? — спрашиваю я, глядя в глаза своему отражению.

Флинт перестает портить мебель и смотрит на меня своими фиолетовыми бусинами.

- Проще всего умереть понарошку, чтобы жить по-настоящему. Понимаешь?

- Зачем?

- Это необходимо, чтобы озлобить братьев.

- Зачем?

- Зачем, зачем. Не твоё дело. Просто делай, что говорю. Как только выполнишь миссию, родишься богатой дамой. И сможешь распоряжаться своей жизнью на своё усмотрение.

Глава 2

Падаю на кровать. Прямо лицом в подушку. Пружины протестующе скрипят, а потом подбрасывают меня вверх, словно я пушинка. Я и есть пушинка. Уставшая, взбешенная, сбитая с толку пушинка.

На прикроватной тумбочке материализуется Флинт. Мой личный, карманный глюк, помесь белки и лисёнка, которого, к счастью или к сожалению, вижу только я.

— Будь так любезен, Флинт, объясни мне, где, во имя всех печенок, я нахожусь?

Переворачиваюсь на спину, раскинув руки и ноги звездой. Потолок высокий, с лепниной в виде переплетенных лоз. Стены цвета слоновой кости, мебель из темного, почти черного дерева. Роскошно. И совершенно незнакомо.

— Высшая академия Драконов, — буднично сообщает Флинт, прыгая мне на живот. Он невесомый, но его присутствие ощущается теплым пятнышком.

Я моргаю. Раз. Два.

— Ничего себе! — выдыхаю, и в груди трепещет от восторга. Академия! Настоящая, магическая? — Стоп! — мой мозг наконец обрабатывает последнее слово. — Драконов? Ты сказал драконов?

— Угу, — хмыкает зверёк, укладывая мордочку на лапки. — Разве я не говорил? Твои братья — драконы.

Воздух со свистом вырывается из моих легких.

— Уф! — подлетаю на кровати, садясь так резко, что Флинт едва успевает вцепиться коготками в мое одеяло. — Как интересно. Значит, я увижу живых драконов? Настоящих? С чешуей, крыльями и огненным дыханием? Изумительно!

Воображение тут же рисует величественных созданий, парящих в небесах. Мои ненастоящие братья! Это же это же просто сносит крышу!

— А здесь кроме драконов еще кто-то обитает? — спрашиваю, уже не в силах сдержать улыбку. Этот мир становится все более захватывающим.

— Естественно, — фыркает Флинт, словно я спросила, есть ли в лесу деревья. — На Андаларе кого только нет. Драконы, само собой. Оборотни всех мастей, от волков до, прости господи, медведей-гризли. Орки, зеленокожие и обаятельные в своей брутальности. И, — тут он делает драматическую паузу, — самые опасные обитатели. Вампиры.

При последнем слове по моей коже пробегает холодок. Не страха, а предвкушения. Опасные, значит? Что ж, я тоже не подарок.

— И я здесь учусь? — уточняю, осматривая комнату уже с большим интересом. Моя комната?

— Да. Кстати, — Флинт спрыгивает с кровати и направляется к столу, на котором лежит стопка книг. — Завтра начинаются занятия. Ты — первокурсница.

— Первокурсница — повторяю. — Погоди-ка. Если я первокурсница, то когда успела совершить все эти злодеяния?

— Ты заехала сюда вчера, — невозмутимо отвечает Флинт, перелистывая страницу какой-то древней книги своим крошечным носиком. — Вчера же и совершила.

— С ума сойти! — выдыхаю, снова падая на подушки.

— Сейчас ложись спать, завтра у тебя тяжёлый день. Лучше набраться сил, — Флинт махает мне лапкой и исчезает.

Перед тем как лечь спать, решаю хорошенько осмотреться. Комната похожа на покои избалованной принцессы. Кажется, если я выдохну слишком сильно, то сдую позолоту с ножек кровати. А судя по ее размерам, здесь можно спать не только поперек, но и по диагонали, устроив на свободной половине пикник для небольшой компании.

Делаю шаг по ковру. Ноги утопают в мягком ворсе цвета сливок. Он такой густой, что, если я уроню шпильку, то буду искать ее до следующего солнцестояния.

Стены обиты шелком с серебряным тиснением, изображающим переплетенные ветви. Мой взгляд падает на шкаф. Он сделан из темного, почти черного дерева, отполированного до зеркального блеска. Я с опаской тянусь к витой ручке в виде змеи, кусающей себя за хвост.

Дверца открывается с мягким, бархатным скрипом. Внутри темная мантия, длинная черная юбка и белая блузка. На полках, видимо, белое нижнее бельё.

— Фу, как убого, — бурчу и закрываю шкаф.

Справа от шкафа – еще одна дверь, из матового стекла с узором из ледяных цветов. Я толкаю ее и замираю на пороге. Это уборная. Больше напоминает терем морской богини. Пол выложен мозаикой, изображающей морское дно с перламутровыми ракушками и золотыми рыбками. В центре комнаты, на небольшом возвышении, стоит ванна. Она вырезана из цельного куска белого мрамора и имеет форму раскрывшегося цветка лотоса. Краны выполнены в виде изящных лебединых шей.

Рядом – столик из какого-то камня, заставленный хрустальными флаконами всех форм и размеров. Я осторожно беру один, вдыхаю аромат. Пахнет очень приятно.

Интересно, у всех адептов такие комнаты? Или, может, меня перепутали с какой-нибудь принцессой крови, а мою скромную каморку с видом на мусорные баки сейчас обживает какая-нибудь леди Арабелла фон Штрудель? Эта мысль заставляет меня нервно хихикнуть.

Возвращаюсь в комнату и подхожу к окну. Огромная, во всю стену, арка из стекла, которое, кажется, тоныше мыльного пузыря. За ним раскинулся мир, от которого захватывает дух.

Башни, соединенные тонкими, светящимися мостами, кажется, уходят в облака. Их шпили пронзают небо, окрашенное в нежные оттенки персика и лаванды. Внизу раскинулся внутренний двор — изумрудный ковер травы, по которому разбросаны клумбы с цветами, что светятся в сумерках мяг-

ким, пульсирующим светом. Посреди двора бьет фонтан.

— Как же тут красиво! — шепчу, смахивая непрошеную слезу. — Как же хочется тут остаться. Неужели мне нужно обязательно умереть?

Подхожу к шкафу, нахожу на верхней полке белую ночную рубашку. Простая, почти монашеская, если не считать кружевной отделки по вырезу.

Сбрасываю платье, оно падает на пол бархатной лужицей, уставшей и помятой, как и я сама. Натягиваю рубашку.

Забираюсь под одеяло и закрываю глаза. Переворачиваюсь на бок. Подушка кажется жёсткой, одеяло — колючим. Всё не так. Всё неправильно. Ворочаюсь. Переворачиваюсь на спину и уставляюсь в потолок. Снова переворачиваюсь, зарываясь лицом в подушку издавая глухой стон. Сон не идёт. Он даже не топчется где-то рядом.

Я ещё долго мечусь в этой огромной, пустой кровати, прокручивая в голове сегодняшний сумасшедший день.

Что ж, посмотрим, что принесёт мне завтрашний день. Смогу ли я завершить миссию?

Глава 3

Медленно разлепляю глаза. Желудок исполняет такую громкую и жалобную арию, что, кажется, ее слышно даже за пределами этой комнаты.

— Как же есть хочется, — шепчу в подушку. — Флинт! Флинт!

В ответ тишина.

— Ну и ладно. Значит, пойду искать пропитание сама. Не помирать же с голоду в этой золотой клетке.

Сбрасываю с себя одеяло и шлепаю босиком в душ. Горячие струи воды немного приводят в чувство, смывая остатки сна. Глядя в зеркало, я с тоской вздыхаю. Моя рыжая грива торчит во все стороны, словно я спала на стоге сена во время урагана. Кое-как усмирив этот огненный хаос с помощью найденной на туалетном столике щетки и собрав волосы в пучок, я натягиваю белую блузку, черную длинную юбку и мантию. Ничего другого в шкафу нет.

Все, я готова к подвигам. Или хотя бы к поиску булочки.

Подхожу к массивной дубовой двери и решительно дергаю за ручку. Заперто. Ну конечно. Этот абьюзер Делар вчера запер меня. Мерзавец! В приступе праведного гнева я со всей дури пинаю дверь.

— Ай! — взвизгиваю и начинаю прыгать на одной ноге, потирая ушибленные пальцы. — Чтоб тебя вампиры покусали!

ли, Делар!

Проходит минут пятнадцать, которые я провожу, вышагивая по комнате и придумывая изощренные проклятия для сводного брата. Наконец, дверь со скрипом отворяется.

Я замираю на полуслове.

На пороге стоит мужчина. И о, боги. Он настолько красив, что у меня на мгновение перехватывает дыхание. Высокий, широкоплечий, в идеально скроенном черном камзоле. Волосы цвета белого золота разметались по высокому лбу, словно их только что растрепал ветер. А глаза Таких глаз я не видела никогда. Глубокие, как летние сумерки, фиолетовые, с серебристыми искорками в самой глубине. Они смотрят на меня с холодным, ледяным презрением. Острые скулы, прямой нос, упрямый подбородок и пухлые губы, которые так и просят, чтобы их

Так, Виктория, собери слюни. Мысленно, конечно.

— А ты кто? — выдаю самую кокетливую из своих улыбок, склоняя голову набок и хлопая ресницами.

Желваки на его скулах напрягаются так, что, кажется, сейчас заскрипят зубы. Ого, кажется, блондинчик не в восторге.

— Предупреждаю тебя, Виктория, — его тон такой ледяной, что я вздрагиваю. — Если продолжишь в том же духе, то не доживешь и до вечера.

Кажется, это один из братьев. В этот момент на моем плече из воздуха материализуется пушистый комочек. Флинт.

— Это средний брат, — шепчет он мне прямо в ухо. — Ри-

ан. Тот, которому твоя предшественница подбросила в комнату артефакт блаженства. Если бы он вовремя не среагировал и не избавился от него, то остался бы без головы.

Риан делает шаг в комнату, его фиолетовые глаза впиваются в меня, словно два аметистовых кинжала. Он хватается за руку. Его пальцы словно стальные тиски, сжимающие мое запястье до боли. Я вскрикиваю и инстинктивно пытаюсь вырваться.

— Пусти! Мне больно, психопат платиновый!

Я начинаю брыкаться, пытаюсь заехать ему сапожком по голени, но он легко уворачивается, его хватка становится только сильнее.

— Если не прекратишь, — цедит он сквозь зубы, наклоняясь так близко, что я чувствую ледяное дыхание на своей щеке, — я сломаю тебе руку.

О да. Он очень, очень зол. В его глазах такая ярость, что, кажется, еще немного — и она выплеснется наружу и испепелит меня на месте, или заморозит. И тут в моей голове рождается гениальный, безумный план. Моя миссия — умереть. Быстро и желательно не слишком мучительно. А этот красавчик выглядит так, будто с огромным удовольствием поможет мне в этом деле. Нужно лишь подтолкнуть его. Разозлить еще сильнее.

Что ж, Риан, ты сам напросился.

Я мгновенно перестаю вырываться. Мое тело обмякает, и я подаюсь вперед, почти вплотную к нему. Улыбаюсь са-

мой соблазнительной и порочной улыбкой, на которую только способна.

— Сломаешь? — мурлычу, понижая голос до хриплого шепота. — М-м-м, какой ты сильный. Мне нравятся сильные мужчины.

Его глаза расширяются от изумления. Я пользуюсь его замешательством. Свободной рукой я медленно веду по его груди, ощущая сквозь тонкую ткань камзола твердые, как камень, мышцы.

— А ты знаешь, что делают с такими непослушными девочками, как я? — заглядываю ему в глаза, проводя кончиком пальца по линии его воротника, спускаясь ниже, к вырезу рубашки. — Их наказывают.

Его лицо каменеет. Он отшатывается, словно я его обогла, но руку не отпускает.

— Ты что ты несешь?

— О, я несу только правду, — делаю еще один шаг к нему, вторгаясь в его личное пространство, сокращая дистанцию до неприличной. — Делар запер меня здесь на всю ночь. Я так скучала Одна в большой холодной постели. А теперь пришел ты. Такой красивый Это так заводит.

Я прикусываю нижнюю губу и смотрю на его губы. Он с отвращением дергает меня на себя, его лицо искажается гримасой ярости.

— Ты отвратительна.

— Да? — я смеюсь ему в лицо, низким, грудным смехом.

— А мне кажется, тебе нравится.

И я делаю невозможное. Подавшись вперед, я касаюсь губами его напряженно сжатых губ. Легко, почти невесомо, но этого достаточно.

Это как поднести спичку к бочке с порохом.

Он взрывается. С диким, яростным рыком он отталкивает меня от себя. Я отлетаю к стене и больно ударяюсь плечом. Но он не дает мне опомниться. В два шага он оказывается рядом, хватая меня за плечи и впечатывает в холодный камень. Его фиолетовые глаза темнеют, превратившись в два бушующих грозowych облака. Дыхание срывается, грудь тяжело вздымается.

— Ты. Пожалеешь. Об. Этом, — чеканит он каждое слово, и его пальцы впиваются в мои плечи, как когти хищной птицы.

— Неужели? — выдыхаю, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. Адреналин бьет в голову, смешиваясь со страхом и странным, извращенным восторгом. — А по-моему, ты просто боишься. Боишься, что тебе понравится.

Я вижу в его глазах ненависть. Риан презирает меня. И он заинтригован. Этого достаточно. Я наклоняю голову, и мои волосы, выбившиеся из пучка, огненным водопадом рассыпаются по плечам, щекоча его руки.

— Отпусти, — шепчу, глядя на его губы. — Или сделай уже что-нибудь. Хватит просто стоять и сверлить меня взглядом. Хотя взгляд у тебя потрясающий. Можно утонуть.

Его челюсти сжимаются до скрипа. И тут Риан делает то, чего я никак не ожидала. Он наклоняется, его лицо оказывается в паре сантиметров от моего, и его голос становится тихим, ядовитым шепотом, от которого у меня по спине пробегают ледяная дрожь.

— Ты хочешь поиграть, Виктория? Хорошо. Мы поиграем. Но по моим правилам.

Он резко разворачивает меня и тащит через всю комнату к огромному, от пола до потолка, окну. Одним движением он распахивает тяжелые створки. Холодный утренний ветер врывается в комнату, треплет мои волосы и мантию. Внизу — головокружительная высота. Вот он, мой шанс. Мой билет на тот свет.

— Я очень зол, Виктория, — его голос звучит у самого моего уха, обжигая холодом. — Я так зол, что готов вышвырнуть тебя из этого окна прямо сейчас. Превратить твоё хорошенькое личико в кровавое месиво.

Его рука ложится мне на затылок, заставляя смотреть вниз. Сердце колотится. Мне страшно. Но это именно то, что мне нужно.

— Так чего же ты ждешь? — смеюсь, и смех получается сдавленным, истеричным. — Давай! Будь мужчиной! Или ты только угрожать умеешь, блондинчик?

Я чувствую, как напрягаются его мышцы. Он толкает меня вперед. Мои пальцы вцепляются в подоконник, ноги на мгновение отрываются от пола. Я зажмуриваюсь, ожидая по-

следнего толчка, полета, удара

Но его не следует.

Вместо этого он с рычанием отдергивает меня назад, так резко, что я спотыкаюсь и падаю на пол. Риан нависает надо мной. Он тяжело дышит, глядя на меня сверху вниз, на растрепанную, испуганную, но не сломленную девчонку, распластавшуюся у его ног. Я смотрю в ответ, вызываяще, хотя сердце все еще пытается выпрыгнуть из груди. Я была так близка. Так чертовски близка к цели.

— Не попадайся мне на глаза, Виктория, — наконец выплевывает он. — Сегодня ты перешла все границы.

Риан резко разворачивается и, не оглядываясь, широкими шагами выходит из комнаты, сильно хлопнув дверью.

Я остаюсь одна на холодном полу, дрожа всем телом. То ли от холода утреннего ветра, все еще гуляющего по комнате из открытого окна, то ли от пережитого шока.

Я медленно поднимаюсь на ноги, чувствуя, как гудят ушибленные плечи и ноет запястье, на котором уже проступают синеватые следы пальцев белобрысого дракона. Подхожу к окну и закрываю его, отрезая себя от холодного ветра и головокружительной высоты.

План провалился. Этот красавчик-психопат оказался крепче, чем я думала. Мои приставания вывели его из себя, но не настолько, чтобы он потерял контроль и совершил убийство. В последний момент он остановился. Почему?

Желудок снова издает громкий, требовательный звук, на-

помяная о первоначальной цели моего пробуждения. Еда. Мне нужна еда, чтобы были силы придумать новый, более изощренный способ довести до белого каления одного из братьев-драконов.

И раз уж дверь теперь открыта, меня ничто не остановит.

Я поправляю платье, высоко вздергиваю подбородок и с самым решительным видом выхожу в коридор. И тут же понимаю, что моя проблема с поиском еды только что усложнилась. Коридор оказывается бесконечным, с десятками одинаковых дверей и высокими сводчатыми потолками, теряющимися во мраке. Ни единой таблички, ни одного указателя.

Глава 4

Коридоры Королевской Академии Драконов — это отдельный вид искусства. И пытки. Они бесконечные! Я бреду по этому великолепию, ведомая единственным инстинктом, который не подводит меня никогда, — голодом. Желудок исполняет такую жалобную арию, что, кажется, даже каменные горгульи под потолком сочувственно кривятся.

У высокого стрельчатого окна стоит девушка, солнечные лучи запутались в её волосах, превращая их в облако расплавленного золота. Маленькая, хрупкая, в идеально отглаженной мантии. Пухлые щёчки, чуть вздёрнутый носик и губы, словно две спелые вишни. Сладкий пирожочек.

Наши взгляды сталкиваются. Её глаза — голубые и чистые. Она смотрит на меня, а я — на неё.

Изображаю на лице самую дружелюбную из своих улыбок и подхожу ближе.

— Прошу прощения. Не подскажешь, где здесь можно утолить страдания умирающего от голода организма? Я ищу столовую.

Девушка моргает, и на её щеках вспыхивает лёгкий румянец. А потом её губы трогает такая тёплая и искренняя улыбка, что у меня внутри что-то тает.

— Если хочешь успеть на завтрак, то стоит поторопиться. Пойдём, я как раз туда иду. Меня, кстати, Лина зовут.

— А я — Виктория. Ты сейчас спасаешь мою жизнь, Лина, без шуток.

Мы начинаем спускаться по широкой винтовой лестнице, и с каждым пролётом я всё отчётливее улавливаю божественные ароматы. Запах свежеиспечённого хлеба, жареного бекона и чего-то сладкого, с нотками корицы. Мои ноздри трепещут, как крылья бабочки. Я практически лечу вниз, ведомая этим маяком кулинарного счастья.

Столовая оказывается огромным, гулким залом с высокими сводчатыми потолками, которые держат на себе каменные драконы. Сквозь витражные окна льётся разноцветный свет, играя на длинных деревянных столах, за которыми уже сидят студенты. Шум, гам, звон посуды — жизнь кипит.

На раздаче мои глаза разбегаются. Пышные омлеты, горы сосисок, золотистые блинчики, вазочки с джемом и мёдом, свежие фрукты. Это рай? Я хватаю всего понемногу, нагружая поднос так, будто готовлюсь к долгой осаде. Лина хихикает, глядя на мою гору еды, и берёт себе лишь скромную овсянку с ягодами.

Мы идём вглубь зала в поисках свободного места, и тут я чувствую его. Этот взгляд. Тяжёлый, прожигающий, полный льда и пламени одновременно. Я поднимаю голову и встречаюсь глазами с Деларом. Он сидит за столом в компании своего брата Риана. Оба сверлят меня злобными взглядами.

Но не они приковывают моё внимание. Рядом с ними сидит ещё один мужчина, чуть постарше. Красота этого муж-

чины — само совершенство, доведённое до абсолюта. Жгучий брюнет. У него точёные, аристократические черты лица и кожа, тронутая лёгким загаром, словно он только что вернулся из южных земель. Взгляд тяжёлый, властный, изучающий. Его красота уже не юношеская, не угловатая — она полностью расцвела, достигла своего пика, и глядя на него, захватывает дух. Он откидывается на спинку стула, и тонкие губы изгибаются в едва заметной, снисходительной усмешке. Я чувствую, как щёки начинают гореть, и поспешно отворачиваюсь, утягивая Лину за ближайший свободный столик.

Это старший брат? Скорее всего. Почему они все такие красивые? Вот это генетика!

Стараюсь больше не смотреть в их сторону и сосредоточиться на еде и милой болтовне с Линой. Она рассказывает про то, как ей страшно, что она не справится с учебой. Я слушаю вполуха, наслаждаясь вкусом.

— Здесь не занято?

Над нами нависает огромная тень. Я поднимаю голову и чуть не давлюсь блинчиком. Перед нами стоит парень нет, не парень. Гора мышц, обтянутых кожей цвета листвы. Он настолько высокий и широкий, что почти полностью загроживает свет от окна. Коротко стриженные тёмные волосы, квадратная челюсть, из-под нижней губы выглядывают два небольших, но определённо острых клыка. Орк? Полу-орк? Но при всей его брутальной, почти пугающей внешности, глаза у него добрые. Цвета тёплого мёда, они смотрят на

нас с каким-то почти застенчивым любопытством.

— Свободно, присаживайся, — улыбается Лина, а я всё ещё с интересом разглядываю его. Он аккуратно ставит на стол свой поднос, на котором лежит нечто, напоминающее половину жареного кабана, и садится, заставив скамью жалобно скрипнуть.

— Я Гром, — басит он, протягивая мне огромную лапищу. Я на мгновение замираю, глядя на его руку, которая размером с мою голову, а потом вкладываю в неё свою ладонь. Его пальцы осторожно смыкаются, и я чувствую себя хрупкой веточкой, зажатой в тисках добродушного великана. Тепло его кожи обволакивает, и я понимаю, что он намеренно сдерживает силу, чтобы не раздавить мои кости.

— Виктория, — отвечаю я, с трудом вызволяя руку. — А это Лина.

— Очень приятно, — кивает Гром, и его взгляд на мгновение задерживается на Лине. На её фоне он кажется ещё более колоссальным, а она рядом с ним — совсем крошечной дюймовочкой.

— Первокурсницы? — спрашивает он, отрезая ножом кусок мяса размером с мой кулак.

— Ага, только вчера прибыли, — подтверждаю, отправляя в рот кусочек омлета.

— А вы на каком факультете? — спрашивает Гром, пронзая вилкой очередной кусок мяса.

Понятия не имею. Я вообще не знаю, какие факультеты

здесь есть. Поэтому делаю вид, что у меня полный рот еды и ответить на вопрос пока не могу. К счастью или нет, на наш стол падает тень. Длинная, властная, отбрасываемая фигурой, от которой у меня по спине бежит холодок, не имеющий ничего общего с утренней прохладой.

Я медленно поднимаю голову. Ну конечно. Тот самый мужчина.

Он смотрит на меня в упор, игнорируя остальных. Его губы сжаты в тонкую, жесткую линию.

— Зайди ко мне в кабинет, Виктория. Прямо сейчас.

Голос низкий, бархатный, но с такими стальными нотками, что можно бриться. Я хлопаю ресницами, изображая самое невинное создание во всех мирах.

— А где он?

Уголок его рта дергается.

— Издеваешься?

Я отрицательно качаю головой, стараясь придать лицу максимально глупое выражение. Получается, кажется, неплохо.

— Иди за мной! — твердо чеканит он, разворачиваясь на каблуках.

Тяжело вздохнув, я встаю. Ловлю сочувствующий взгляды Грома и испуганно-любопытный — Лины.

Пока я плетусь за широкой спиной красавчика по гулким коридорам, паника начинает подкрадываться липкими лапками. Так, спокойно.

Мы останавливаемся перед массивной дверью из черного дерева с золотой табличкой: «Филипп Солин. Декан боевого факультета». Вот оно как. Значит, это мой сводный братец, и он, оказывается, большая шишка. Филипп распахивает дверь и жестом приглашает меня войти.

Кабинет огромный, стильный и до неприличия дорогой. Стены заставлены стеллажами с древними фолиантами в кожаных переплетах. На массивном дубовом столе царит идеальный порядок. В углу потрескивает камин, над которым висит пара скрещенных мечей. Но мое внимание привлекает другое — полки, уставленные всевозможными наградами. Хрустальные кубки, золотые статуэтки, переливающиеся магические сферы на подставках из драгоценных камней.

И тут в моей голове рождается гениальный, абсолютно безумный план.

Флинт вчера нашептал, что я пыталась отравить Филиппа. А значит, он сейчас зол. Очень зол. И наверняка жаждет моей крови. Что ж, если он хочет меня наказать, то я дам ему повод. Настоящий, весомый повод. Что, если я «случайно» разобью что-то очень дорогое его сердцу? Он же убьет меня в пылу ярости? А это именно то, что мне нужно.

Филипп обходит стол и садится в свое огромное, похожее на трон кресло. Складывает руки на столешнице, и его черные глаза впиваются в меня.

— Не объяснишься? Почему ты хотела вчера меня убить? Его голос спокоен. Слишком спокоен. Это спокойствие

хищника перед прыжком.

Я делаю вид, что смутилась, и начинаю бесцельно бродить по кабинету, якобы в поисках слов. Мой маршрут, разумеется, пролегает мимо самой изящной и хрупкой на вид награды — витой статуэтки из переливающегося хрусталя, изображающей грифона в полете. Она стоит на отдельном постаменте, явно занимая почетное место.

— Убить? Филипп, что за ужасные слова? — лепечу, подходя все ближе к цели.

Останавливаюсь рядом с грифоном и поворачиваюсь к Филиппу, картинно всплеснув руками. Финальный аккорд моего спектакля — легкое, почти незаметное движение бедром. Ровно настолько, чтобы задеть постамент. Хрустальный грифон качается, на мгновение замирает на краю, словно давая мне шанс его спасти, а затем с мелодичным звоном летит на полированный каменный пол.

ДЗИНЬ!

Миллион сверкающих осколков разлетаются по кабинету. В наступившей тишине этот звук кажется оглушительным.

— Ой! — я прикрываю рот ладошкой, но глаза мои смеются. — Прошу прощения. Это вышло совершенно случайно!

Я одариваю мужчину самым хитрым, самым наглым взглядом, на который способна.

— Виктория! — рычит Филипп. В его глазах бушует настоящее торнадо.

Вот оно! Началось!

Я испуганно пишу и начинаю пятиться, изображая неподдельный ужас. Спинай я натыкаюсь на что-то твердое. Тумба. А на ней — чей-то мраморный бюст с очень суровым выражением лица. Прекрасно. Я неуклюже разворачиваюсь, задевая бюст локтем, и он с глухим стуком следует за хрустальным грифоном.

БАМ!

Мраморная голова откалывается и катится прямо к ногам разъяренного декана.

— Ты — Филипп с трудом выдавливает воздух из легких, его лицо темнеет от ярости. Он смотрит то на осколки грифона, то на обезглавленный бюст, то на меня. И в его взгляде я вижу именно то, на что рассчитывала — чистое, незамутненное желание меня придушить.

Он делает шаг ко мне. Потом еще один. Я продолжаю пятиться, пока не упираюсь спиной в холодную стену. Ловушка захлопнулась.

Его пальцы сжимаются и разжимаются, словно он уже представляет, как они смыкаются на моей шее. Давай же, Филипп. Сделай это. Убей меня. Я даже глаза прикрываю в предвкушении.

Но вместо того, чтобы вцепиться мне в горло, он делает нечто совершенно иное. Его рукарезким, отточенным движением срывает с пояса его брюк широкий кожаный ремень. Пряжка хищно блестит в свете магических светильников.

Он собирается меня им душисть? Оригинально.

Филипп подходит вплотную. Между нами не остается и сантиметра свободного пространства. Я чувствую жар, исходящий от его тела, слышу его сбитое, яростное дыхание. Он заносит ремень, и я инстинктивно зажмуриваюсь, готовясь к тому, что тугая кожа вот-вот перекроет мне доступ к кислороду.

Но удушающей петли не следует. Вместо этого сильная рука хватает меня за талию, отрывает от стены и с унижительной легкостью перекидывает через плечо.

— Эй! — возмущенно пищу, молотя кулачками по его каменной спине. — Поставь меня на место!

Филипп игнорирует мои протесты. Несколько широких шагов, и я с размаху лечу на мягкий кожаный диван, приземляясь на живот. Воздух вышибает из легких. Не успеваю я перевернуться, как тяжелое тело наваливается сверху, прижимая меня к упругой обивке. Одна его рука вдавливая мои лопатки, лишая возможности пошевелиться, а вторая

ШЛЕП!

Острый, обжигающий удар ремнем приходится точно по моей пятой точке, прямо сквозь тонкую ткань форменной юбки. Боль! Внезапная, унижительная, горячая. Я взвизгиваю от неожиданности. Этого в моем гениальном плане точно не было!

— Давно пора проучить тебя, Виктория, — его голос, низкий и хриплый от гнева, раздается прямо над моим ухом,

опаляя кожу.

ШЛЕП!

Еще один удар. И еще. Он наказывает. Методично, жестоко, заставляя кожу гореть огнем. Это больно! Чертовски больно! Но это это не убьет меня! План летит ко всем демонам!

— Прекрати! — кричу, извиваясь под ним. — Ты не имеешь права!

— Я твой декан! — рычит он в ответ, и очередной шлепок заставляет меня закусить губу, чтобы не закричать снова. — И твой старший брат! И сегодня я выбью из тебя всю дурь!

Он наносит еще несколько ударов, и я чувствую, как по щекам текут злые, бессильные слезы. Не от боли — от унижения. От того, что все пошло не так.

Наконец, он останавливается. Я слышу, как ремень с глухим стуком падает на ковер. Филипп рывком поднимается, и я, не теряя ни секунды, вскакиваю с дивана, отпрыгивая к противоположной стене. Моя юбка задралась, волосы растрепались, а щеки пылают от гнева и смущения. Я поспешно одергиваю одежду, чувствуя, как горит отшлепанное место.

Глава 5

— Перед тем как совершить очередную глупость, трижды подумай, Виктория, — Филипп возвращается за свой массивный дубовый стол и садится в кресло. — В следующий раз одним ремнем не отделаешься.

— А может, сразу к праотцам отправишь? — яростно вытираю слёзы рукавом форменной мантии.

— Напрашиваешься? — он снова на ногах. Кресло с тихим скрипом откатывается назад. Два шага — и декан нависает надо мной. Тень от его фигуры поглощает меня целиком.

Его большая тёплая ладонь осторожно касается моей головы. Я вздрагиваю, готовая к удару, но вместо этого его пальцы бережно распутывают мои взъерошенные рыжие кудри, заправляют выбившиеся пряди за ухо. Прикосновение такое нежное, такое неуместное после всего, что случилось, что я на миг теряюсь. Сердце пропускает удар, а потом пускается вскачь.

— Будешь продолжать в том же духе, и я лично исполню твоё желание, — шепчет он мне на ухо. От его горячего дыхания коленки немного подгибаются.

Вот оно. То, что мне нужно. Моя миссия — умереть от руки одного из братьев. Но почему же тогда, когда он произносит эти слова, ледяной ужас сковывает всё внутри? Желудок

док скручивает в тугой узел, и я начинаю икать. Глупо, по-детски, от страха.

Филипп отстраняется, смотрит на меня с непонятным выражением. Он возвращается к столу, берёт лист бумаги и протягивает мне.

— Твоё.

Я беру пергамент дрожащими пальцами. Красивым каллиграфическим почерком выведено моё имя: *Виктория Солн.* А ниже — расписание. Боевой факультет. Ну конечно. Я обречённо опускаю плечи. Махать мечом, бегать до седьмого пота, получать тумачи на тренировках — всё, что я так искренне ненавижу. Это так напрягает.

— Скоро первый сбор первокурсников. Поторопись.

Не успеваю я и слова сказать, как сильная рука ложится мне на спину и решительно выталкивает за дверь.

Ну и где этот сбор?

Я бреду по коридору, всё ещё чувствуя жжение на ягодицах. Выхожу во внутренний двор Академии, и меня ослепляет солнце. Двор огромен: идеально подстриженные газоны, по которым змеятся дорожки из белого камня, величественные статуи основателей, сурово вззирающие на снующих студентов.

Среди пёстрой толпы студентов я замечаю две знакомые фигуры: хрупкую блондинку Лину, оживлённо жестикулирующую, и зелёного орка Грома, который с обожанием на неё смотрит. Как мило!

Ускорив шаг, я проталкиваюсь к ним, и мы вместе вливаемся в поток первокурсников, текущий к площади перед главным корпусом. Там, на высоком помосте, уже стоят преподаватели, а впереди, возвышаясь над всеми, застыл декан Филипп, и его ледяной взгляд, кажется, ищет в толпе именно меня. Он произносит длинную, пафосную речь о великом пути, ответственности, знаниях и прочей чепухе, которую положено говорить в таких случаях. Я даже не пытаюсь слушать. Занимаюсь делом поинтереснее. Изучаю будущих сокурсников.

Передо мной стоит парень, такой огромный, что загораживает половину солнца. Широченные плечи, мощная шея, коротко стриженные темные волосы. Он нетерпеливо переминается с ноги на ногу, и даже сквозь плотную ткань форменной мантии угадываются стальные канаты мышц. Оборотень, сто процентов. Волк или медведь. Интересно, он умеет контролировать себя в полнолуние?

Слева от меня хихикает парочка девчонок. Одна — рыжая, вся в веснушках, с копной непослушных кудрей. А вот вторая Тонкая, бледная, с огромными фиалковыми глазами и кожей, что кажется полупрозрачной на солнце. Она изящно прикрывает рот ладошкой, когда смеется, и я замечаю чуть удлиненные клыки, сверкнувшие на мгновение. Вампириша? Из какого-нибудь древнего, аристократичного рода, который пьет кровь исключительно из хрустальных бокалов.

Мой взгляд скользит дальше, цепляясь за самые яркие де-

тали. Вон тот высокий блондин с холодными, как лед, глазами и гордой осанкой. Напоминает стать моих ненастоящих братьев. Дракон. Точно он. В них есть это врожденное высокомерие, будто все мы, копошащиеся внизу, — не более чем забавные букашки. Он ловит мой взгляд, и его губы трогает снисходительная усмешка.

Я так увлекаюсь своей игрой в «угадай расу», что почти пропускаю момент, когда речь Филиппа подходит к концу.

— И помните, Академия Магии — это не просто место учебы. Это ваш новый дом!

Толпа взрывается аплодисментами и восторженными криками. Я лениво хлопаю в ладоши, продолжая сканировать лица. Оборотни, вампиры, драконы А есть ли здесь вообще обычные люди? Просто люди? Наверное, нет. Кому они тут нужны, в этом заповеднике сверхъестественной крутости. Интересно, а я кто?

После сбора мы дружной толпой идём в библиотеку.

— Готовьте руки, друзья! — басит один из первокурсников, разминая плечи, отчего его мышцы перекатываются под мантией, как валуны. — Сейчас на нас обрушат годовой запас макулатуры.

Библиотека встречает нас гулким эхом и строгим взглядом женщины-библиотекаря. Её пучок так туго стянут на затылке, что, кажется, даже мысли не могут вырваться наружу без разрешения. Она смирila нашу компанию взглядом, который мог бы заморозить лаву, и процедила:

— Фамилии. По одному.

Процесс получения учебников напоминает ритуал жертвоприношения. Ты отдаешь свое имя, а взамен на тебя обрушиваются каменную лавину фолиантов. Моя стопка оказывается довольно высокой. «Продвинутый курс боевых заклинаний», «История падения Древних», «Основы алхимических ядов и противоядий» Весь этот груз знаний давит на меня, грозя похоронить под собой прямо здесь.

Каждый шаг по коридору академии отдается ноющей болью в предплечьях. Еще пара метров, и я рухну на кровать в своей комнате, зарыв нос в подушку и послав к демонам и «Теорию магических потоков», и «Древние руны».

Но моим планам на тихое страдание не суждено сбыться. Из тени выступает высокая фигура, одним своим видом перекрывая мне путь к спасению. Делар. Мой так называемый младший брат. Сводный, неродной и, к счастью, ни каплей крови со мной не связанный. И, судя по грозовой туче на его лице, ненавидящий меня сегодня с особой силой.

Я делаю шаг влево, пытаюсь обогнуть его по широкой дуге. Он зеркально повторяет мое движение, вырастая на пути. Пытаюсь вправо — тот же результат.

— Чего тебе? — выдыхаю, с трудом удерживая книги. Настроения на словесные баталии нет. Хочется только одного: тишины и горизонтального положения.

— Ты должна понимать, Виктория, что носишь фамилию Солин. И на тебе лежит ответственность. Ты не можешь

очернять репутацию рода.

Я закатываю глаза.

— Иди прочь! — делаю еще одну, уже более решительную попытку проскользнуть мимо.

— Я не договорил! — рычит он.

Резкое движение, и сильная рука сбивает мою драгоценную ношу. Фолианты с глухим стуком разлетаются по каменному полу. Прежде чем я успеваю возмутиться, меня самую разворачивают и с силой впечатывают в холодную стену. Ладони Делара ложатся по обе стороны от моей головы, запирая меня в клетку из его рук.

Мы так близко друг к другу. Слишком близко. Я вижу каждую ресничку, обрамляющую его темные глаза. Чувствую жар, исходящий от его тела.

— Будь добра дослушать! — цедит он мне в лицо. — Ты не можешь направо и налево флиртовать с каждым встречным! Поняла?

В груди вспыхивает ярость. Я упираюсь ладонями в его каменную грудь, пытаюсь оттолкнуть. Тщетно. Он даже не шелохнулся.

— Тебе-то какое дело? — шиплю, глядя ему прямо в глаза. — Хочу и буду флиртовать! Хоть со всем потоком разом!

Его ноздри раздуваются, а в глубине зрачков вспыхивает опасный огонек.

— Только попробуй, — шепчет он, и его голос становится пугающе тихим.

Он наклоняется, и я инстинктивно зажимаюсь. Чувствую на коже шеи его горячее дыхание, а в следующую секунду — резкую, обжигающую боль. Он кусает меня. До крови. Я ахаю.

Делар отстраняется, его губы всего в паре сантиметров от моих. Он смотрит на оставленный им след с мрачным удовлетворением.

— Если репутация семьи пострадает из-за тебя, — его шепот обжигает. — Я лично тебя убью.

Он отступает на шаг, давая мне свободу. Я стою, прижимаясь спиной к стене, и касаюсь пальцами горячей кожи на шее. Делар сам только что вручил мне в руки идеальное решение задачи. Репутация, значит. Ну-ну.

- Зачем ты меня укусил? – потираю укушенное место на шее.

- А то не знаешь? – дракон скалится.

Качаю головой.

- Оставил на тебе метку, чтобы чувствовать тебя. Теперь я смогу найти тебя, Виктория, где бы ты ни была.

Глава 6

— Зачем тебе меня чувствовать? — ловко подныриваю под тяжелую руку Делара, вырываясь из ловушки, и начинаю собирать с пола рассыпанные учебники.

— Чтобы контролировать тебя, — его голос, низкий, обволакивает, как липкая паутина. — Сама же знаешь, ты непослушная. Плохая девочка.

Последние два слова он произносит почти шёпотом, с какой-то странной, пугающей интонацией, от которой по спине бегут мурашки. Я выпрямляюсь, прижимая к груди стопку книг, словно это щит.

— Ещё один вопрос, последний, — смотрю ему прямо в глаза, в эту тёмную, почти чёрную бездну. — Почему ты решил, что я с кем-то флиртую? Такого точно не было.

— Снежный дракон! — рычит Делар, снова делая шаг ко мне и нависая своей громадной тенью. — Ты крутила перед ним хвостом. Даже не думай о нём. Ты ему неровня! Снежный ни за что не возьмёт в жёны человека, даже если в тебе и присутствует крупица магии. В лучшем случае поиграет с тобой. В худшем — обесчестит, и тогда репутация рода Солин будет разрушена из-за тебя. Тогда я лично прерву твоё жалкое существование.

В голове мгновенно вспыхивает образ. Тот ослепительный блондин на сборе первокурсников. Его глаза цвета зим-

него неба, лёгкая, чуть насмешливая улыбка, адресованная именно мне Значит, я угадала. Он дракон. А я Я человек. Хотя что-то во мне осталось неизменным после переселения в этот сумасшедший дом.

— Вот оно что! — безразлично хмыкаю. — Да ты просто дурак!

Не дожидаясь ответа, разворачиваюсь и иду прочь. Спinoй чувствую его испепеляющий взгляд, слышу, как он сжимает кулаки. Заставляю себя идти ровно, с гордо поднятой головой.

Захлопнув за собой дверь своей комнаты, облегчённо вздыхаю. Затем аккуратно, одну за другой, расставляю книги на полке над столом. Закончив, я без сил плюхаюсь на кровать, раскинув руки и ноги звёздочкой. Моя любимая поза. Занятия начинаются только завтра, а я уже выжата как лимон. Шею саднит. Придурок Делар. Я осторожно касаюсь пальцами места укуса.

Что вообще значит «теперь я чувствую тебя»? Это как? Он будет знать, когда я иду в туалет? Или когда у меня урчит в животе? Бред какой-то.

Полежав так ещё минут десять и пялясь в потолок, я понимаю, что желудок уже издаёт вполне конкретные сигналы. Время обеда.

Настроение всё ещё болтается где-то на уровне плинтуса, но голод — лучший мотиватор. Я кое-как привожу в порядок растрепавшиеся волосы, натягиваю на лицо маску вежливого

безразличия и выхожу из комнаты.

Огромный обеденный зал гудит. Замечаю солнечную макушку Лины и массивную фигуру Грома за столом у окна и, улыбнувшись, направляюсь к раздаче.

На поднос отправляется щедрая порция жареной картошки с грибами и луком, два сочных куска запечённой в травах курицы и салат из свежих овощей, который я щедро поливаю сметанным соусом. На десерт — пышная булочка с корицей, источающая божественный аромат. И, конечно, небольшой кувшин с вишнёвым морсом. Горе нужно запивать чем-то вкусным.

Лина машет мне рукой, когда я подхожу к столу. Её светлые глаза искрятся весельем. — Мы уж думали ты не придёшь.

Плюхаюсь на скамью напротив своих новых друзей. За столиком по соседству, в окружении своей свиты, восседает утончённая вампирша. Рядом с ней тот самый Снежный дракон. Они что-то оживлённо обсуждают, до меня долетают лишь обрывки фраз.

«платье от мадам Лорье», «помолвка», «церемония в Лунном храме», «мой дорогой Риан»

Я давлюсь воздухом. Риан? Они говорят о моём белобрысом сводном братце? Он женится?

— я ведь пришла в академию только ради него, — томно вздыхает вампирша, поправляя идеальный локон. — Отец настоял, чтобы я была рядом с ним, чтобы развивать чувства.

Такая романтика!

И словно по заказу, в дверях столовой появляется он.

Риан.

Он скользит по залу взглядом, полным холодного превосходства, и я вижу, как Изабелла вся подаётся вперёд, расцветая в предвкушении. Она уже приготовила свою самую обворожительную улыбку.

Но он проходит мимо их столика. Мимо. Даже не замедлив шага. Не удостоив свою «невесту» и мимолётного взгляда. Улыбка на лице вампириши дрогнула и опала, как осенний лист.

Зато меня он замечает сразу.

Его взгляд, словно два ледяных кинжала, впивается в меня. В нём столько неприкрытой злости, что у меня по спине пробегает холодок. Я вызывающе приподнимаю бровь. И тут его взгляд скользит ниже, цепляясь за мою шею. За то самое место, где виднеются два крошечных прокола.

Челюсти Риана сжимаются так сильно, что на скулах выступают желваки. Его глаза темнеют, превращаясь в два чёрных омута. Ярость. Чистая, испепеляющая ярость. Жуть какая!

Да что они все на меня так взъелись? Как бедная Виктория вообще выжила в этой семье? Неудивительно, что она обозлилась на братьев. Я бы уже давно сбежала, запрыгнув в первый попавшийся портал, хоть в мир слизней, хоть в измерение, где правят разумные чайники.

— Даже не думай! — раздаётся у самого уха, и на моё плечо мягко опускается пушистый проводник.

— Тебе нельзя покидать семейство Солин, пока братья не озлобятся окончательно, — шепчет он, обвивая хвостом мою шею, словно шарф.

— Разве они и так уже недостаточно озлоблены? — бурчу я сквозь зубы.

— Что говоришь? — Лина поднимает голову, а Гром перестает жевать и уставляется на меня.

О, чудесно. Они, конечно, не видят Флинта. Для них я сейчас разговариваю с пустотой.

— Говорю, еда здесь очень вкусная, — выдыхаю, натягивая улыбку.

— Кажется, ты не это говорила, — с подозрением тянет Лина, щуря свои васильковые глаза.

Гром громко кашляет и переводит тему, постукивая массивным пальцем по столу. — Завтра не вздумайте опаздывать. В семь часов — боевые искусства. Курс лично ведёт декан. Слышал, он очень строг.

Орк наклоняется к нам, понижая голос до заговорщического шёпота.

— Говорят, опоздавшие весь день чистят клетки с животными. Без магии. Одними скребками.

Лина бледнеет и содрогается. Я же мысленно ставлю себе три будильника.

Риан, тем временем, уже скрылся из поля моего зрения.

Флинт поглаживает мою щёку хвостом и шепчет мне на ухо.

- Средний брат разъярён. Сейчас тебе нужно разозлить его ещё сильнее. Постарайся, чтобы он убил тебя. Вперёд.

- Сначала доем, - говорю твёрдо, и на меня снова устремляются два пытливых взгляда.

Если так будет продолжаться, меня сочтут сумасшедшей.

Глава 7

После сытного обеда в столовой вместе с Линой и Громом идём на прогулку по кампусу.

— Ты только посмотри на них! — щебечет Лина. Ее светлые локоны подпрыгивают в такт шагам, а голубые глаза с восторгом смотрят на старшекурсников, лениво развалившихся на идеально подстриженных газонах. — Какие все взрослые!

— Ага, — басит Гром, шагающий с другой стороны от меня. Земля под его ногами едва заметно вздрагивает. Этот орк — ходячая гора мышц с добрейшей душой и аппетитом, способным опустошить небольшой трактир. — А еще сегодня вечеринка. Первокурсники приглашены.

Я удивленно приподнимаю бровь.

— Вечеринка? В первый же день?

— А когда еще? — усмехается Гром. — Надо же познакомиться, выпить чего-нибудь запретного.

Лина хихикает, прикрывая рот ладошкой.

— Гром, не пугай Викторию! Все будет прилично. Танцы, музыка Говорят, ректор даже разрешил запустить в небо магических светлячков.

Звучит заманчиво. Проблема только в одном. Вернувшись в свою уютную комнатку, я с тоской распахиваю дверцы шкафа. На меня уныло смотрят ряды одинаковых черных

юбок, стопка белоснежных, накрахмаленных до хруста блузок и несколько форменных мантий. Скука смертная. Гардероб послушницы монастыря.

— М-да, в этом на вечеринку не пойдешь, — вздыхаю, захлопывая дверцы. — Разве что в библиотеку, изображать привидение.

Мой взгляд скользит по комнате и цепляется за большой, обитый кожей саквояж, одиноко стоящий в углу. Не замечала его раньше.

С замиранием сердца подхожу и щелкаю тяжелыми медными замками. Крышка с глухим стуком откидывается назад, и в нос ударяет запах лаванды. А внутри внутри сокровища.

Слава всем богам, здесь вещи! Я с трепетом выкладываю их на кровать, и серое покрывало мгновенно расцветает. Платье из темно-синего бархата, расшитое по подолу серебряными звездами. А это — легкая туника из изумрудного шелка, которая так приятно холодит кожу. Корсет из черной кожи с тиснением в виде драконьей чешуи, высокие сапоги на шнуровке, кружевные чулки. Да здесь целый арсенал для соблазнения. Чем собиралась заниматься предыдущая хозяйка тела?

Выбор очевиден. Я надеваю тонкую шелковую сорочку, поверх — тот самый кожаный корсет, который мгновенно делает талию осиной, а грудь — преступно выразительной. Вместо скучной юбки я выбираю облегающие черные штаны

из мягкой замши, которые сидят как вторая кожа. Финальный штрих — сапоги на небольшом каблуке, который добавляет мне роста.

Рыжие волосы я оставляю распущенными, лишь слегка умирив их парой капель ароматного масла. Глядя на свое отражение в зеркале, я усмехаюсь. Из прилежной адептки я превратилась в пиратку, готовую брать на abordаж не корабли, а мужские сердца.

Вечеринка гремит на весь главный зал. Музыка льется из распахнутых дверей, смешиваясь со смехом и гулом голосов. Я на мгновение замираю на пороге, вдыхая пряный аромат. В толпе мелькает платиновый хвостик Лины и массивная фигура Грома у стола с закусками. Я улыбаюсь, собираясь шагнуть к ним, как вдруг мою руку обжигает ледяное прикосновение.

Сильные пальцы смыкаются на моем запястье, и меня без церемоний выдергивают из потока студентов в темную нишу за гобеленом. Сердце ухает куда-то в пятки.

— Риан!

Мой сводный брат. Высокий, светловолосый, с совершенным лицом, будто его высекал из мрамора сам бог красоты. Он нависает надо мной, прижимая к стене. Он склоняется к моей шее, и я инстинктивно задерживаю дыхание. Его ноздри хищно раздуваются, он втягивает воздух, словно пробуя мой запах на вкус.

— Делар! — шипит он.

— Отпусти, — я пытаюсь оттолкнуть его, упираясь ладонями в твердую, как камень, грудь. Тщетно. Он даже не шелохнулся.

— Сначала объяснись, — он чуть отстраняется, но хватку не ослабляет. Его ледяные глаза буравят меня насквозь.

— Насчет чего? — я играю в непонимание, хотя прекрасно знаю, о чем речь.

— Насчет этого, — Риан проводит прохладными пальцами по моей шее, точно над тем местом, где под тонкой кожей пульсирует жилка. Его подушечки очерчивают контуры укуса, оставленного Деларом. От его прикосновения по коже бегут мурашки.

— Мне лень объяснять. Сам спроси у брата, — я дергаю плечом, стараясь казаться безразличной. — Слышала, ты женишься? — бросаю, пытаюсь сменить тему.

Его идеальные брови сходятся на переносице.

— Впервые об этом слышу. Но даже если и так, тебя это не касается, Виктория! Ты не имеешь права голоса в семье.

— Знаю, знаю, — язвительно тяну, изворачиваясь и обходя Риана стороной. Его хватка на мгновение ослабевает, и я пользуюсь этим, чтобы сделать шаг к свету. — Тогда, может, разорвем семейные узы? Раз уж я в семье никому не нужна.

Секунда оглушительной тишины. А потом — резкое движение, и мир смазывается.

— Что сказала? — его голос падает до ледяного шепота, от которого кровь стынет в жилах. Прохладные руки снова

находят меня, на этот раз с силой припечатывая к холодной каменной стене. — И на что ты жить будешь?

Его взгляд медленно, оскорбительно медленно скользит по мне. От приподнятой груди, туго стянутой корсетом, вниз, к узкой талии, которую его ладонь тут же накрывает. Пальцы сжимаются, властно и собственнически.

— Будешь собой торговать? — выдыхает он мне в губы, и в его голосе звучит неприкрытое презрение.

После этих слов кровь ударяет в виски, и рука действует быстрее, чем разум. Хлесткий звук пощечины эхом разносится по маленькой нише. Идеальное лицо Риана дергается в сторону, на бледной коже мгновенно проступает красный отпечаток моей ладони.

Он молчит. Вот он. Конец. Я оскорбила его. Теперь Риан должен убить меня в отместку. Да? Я сжимаюсь, готовясь к боли, к ярости.

Но вместо этого Риан делает шаг вперед, сокращая последнее расстояние между нами. Его тело прижимает меня к стене так плотно, что я не могу вдохнуть. Одна его рука все еще лежит на моей талии, а вторая взлетает к моему затылку, пальцы запутываются в волосах, крепко, но не больно. Он прижимает меня к своей мощной груди, и я на миг тону в его запахе, в ощущении твердых мышц под тонкой рубашкой, в оглушительном стуке его сердца — или это мое? Его лицо оказывается в опасной близости от моего, дыхание опалает щеку. Я вижу, как ходят желваки на его скулах, как дрожат

ресницы. Он смотрит на меня так, словно хочет испепелить, но одновременно поглотить.

Этот момент длится одно мгновение. А потом он так же резко отстраняется, разрывая контакт. Разворачивается и быстрыми шагами уходит, растворяясь в толпе, словно его и не было.

А я остаюсь стоять в темном углу, прижавшись спиной к холодному камню. Ладонь горит, сердце колотится, а на талии все еще фантомно ощущается прикосновение его пальцев. Я стою, совершенно сбита с толку, пытаюсь отдышаться и заставить мир перестать вращаться.

— Что это, черт возьми, только что было?

Глава 8

Тяжелый вздох вырывается из груди, и я сжимаю кулаки. Снова. Опять это липкое, удушающее чувство, когда земля уходит из-под ног. Там, в прошлой жизни на Земле, я была тридцатипятилетней медсестрой с ипотекой, кредитом на старенькую машину и одним катастрофически неудачным браком в анамнезе. Мой бывший, Вадик, умудрился проиграть в онлайн-казино не только наши скромные сбережения, но и обручальные кольца, которые мы сдали в ломбард «на пару дней, до зарплаты». Детей не было. Моя жизнь была похожа на бесконечный серый марафон от смены до смены, от зарплаты до аванса. А потом — визг тормозов, ослепляющий свет фар и резкая, обжигающая боль. Как глупо. Как обидно. Я ведь была еще молодой.

И вот я здесь. В новом мире, в новом, упругом и полном сил теле. И снова нужно умирать.

Не хочу! Хочу жить!

— Ты будешь жить, когда выполнишь миссию, Виктория!

Флинт, мой персональный проводник и, по совместительству, ходячая головная боль, снова устроился на моем плече. Его пушистый лисий хвост щекочет шею, а огромные фиолетовые глаза смотрят с укоризной.

— Кажется, что бы я ни делала, они не собираются меня убивать, — бормочу я, поправляя кожаный корсет с тисне-

нием под драконью чешую.

— Значит, ты делаешь недостаточно! — фыркает зверек.
— Тебе нужно лучше стараться!

— Но я не хочу умирать, Флинт!

— Но это же не по-настоящему! — успокаивающе пищит он.

— Боль-то настоящая! И страх — самый что ни на есть настоящий!

— Просто переживи это, и следующая жизнь будет счастливой! — обещает он, словно это какая-то мелочь.

Тяжело вздыхаю. Ладно. Пережить. Я иду на вечеринку.

Под сводчатым потолком парят сотни зачарованных светильников, отбрасывая на танцующие пары дрожащие золотистые блики. Музыка льется отовсюду. Не могу понять, она живая или нет. Студенты всех мастей и рас смешались в пеструю галдящую толпу. Я протискиваюсь сквозь толпу, мои рыжие волосы огненной вспышкой мелькают среди прочих.

Наконец я замечаю своих. Лина, с ангельским личиком и дьявольскими искорками в глазах, что-то оживленно щебечет огромному орку Грому. Гром, как всегда, монументален. Он слушает Лину с таким сосредоточенным видом, будто она объясняет ему тонкости высшей алхимии, а не пересказывает свежие сплетни.

— Наконец-то! — Лина подхватывает меня под руку. — Мы уже начали думать, что ты решила пропустить все весе-

лье и остаться медитировать над учебниками!

— Очень смешно, — фыркаю, принимая из рук Грома бокал с чем-то рубиновым и терпким. — Просто наводила боевой раскрас.

Мой взгляд скользит по залу и натывается на Филиппа. Он стоит у колонны, высокий, темноволосый, в идеально скроенном черном камзоле, который подчеркивает широкие плечи. Жгучий брюнет, от которого у половины женского населения академии подкашиваются коленки. Взгляд тяжелый, властный, изучающий. И сейчас этот взгляд направлен на меня. Всего на мгновение, но мне хватает, чтобы по спине пробежал ледяной холодок.

— Садист! — шиплю себе под нос и поспешно отвожу взгляд, делая большой глоток из бокала. Напиток обжигает горло.

Чтобы отвлечься, я с головой ныряю в вечеринку. Мы с Линой танцуем, кружась в вихре музыки так, что рыжие и светлые локоны смешиваются в одно огненно-золотое пятно. Гром стоит неподалеку, как несокрушимая скала, отгоняя особо назойливых кавалеров одним своим видом и периодически поднося нам новые бокалы. Я смеюсь, громко и беззаботно, стараясь заглушить внутренний голос, который шепчет, что все это — лишь временно. Это не моя настоящая жизнь.

— Действуй прямо сейчас! — Флинт, до этого дремавший у меня на плече, внезапно оживает. Его пушистый хвост

нетерпеливо постукивает по моей щеке. — Филипп на свидании с Аделией Корн. Она профессор зельеварения. Ты должна испортить им свидание. Тогда Филипп разозлится и убьет тебя. Вперед, вперед, Виктория, поторопись!

— А ты уверен, что он убьет меня, а не как в прошлый раз... — бормочу, и щеки вспыхивают уже не от вина, а от жгучего воспоминания.

Картинка встает перед глазами с унижительной ясностью: полумрак его кабинета, запах старых книг и дорогого табака, диван и свист ремня, рассекающего воздух перед тем, как обрушиться на мои несчастные ягодички. Унижительно. Больно. Нет, повторять этот опыт я не жажду.

Но делать нечего. Флинт прав. Миссия есть миссия.

— Ладно, — выдыхаю, осушая бокал до дна. — Веди, Сусанин ушастый.

Следуя тихим указаниям зверька, я выскальзываю из шумного зала. Прохладный ночной воздух приятно остужает разгоряченную кожу. Я иду по мощенной камнем дорожке, которая ведет во внутренний двор академии. Здесь тихо, лишь стрекочут в кустах магические светлячки да доносится издали приглушенная музыка. Аромат ночных фиалок и влажной земли кружит голову. Впереди, в объятиях старой плакучей ивы, виднеется увитая плющом беседка. Именно оттуда исходит мягкое свечение, и я различаю два силуэта на скамейке.

Сердце делает кульбит. Одно дело — теоретически знать,

что нужно сделать, и совсем другое — врываться в чужой интимный момент. А как же мне его испортить? Просто крикнуть «бу»? Устроить пожар силой мысли, которой у меня нет?

Флинт нетерпеливо впирается коготками в мое плечо. План нужен прямо сейчас. И в моей голове, подогретой напитками и отчаянием, рождается самый идиотский, самый театральный и самый беспроектный вариант.

Я набираю в легкие побольше воздуха, мысленно переключаясь по старой земной привычке и, изобразив на лице вселенскую скорбь, влетаю в беседку!

— Как ты мог, Филипп?! — голос дрожит от мастерски симитированных рыданий. Я картинно прижимаю ладонь ко рту, вытирая несуществующую слезу. — Прошлой ночью ты был в моей постели, а сегодня уже с другой? Ты мерзавец!

Пауза. Драматическая. Для пущего эффекта я кладу обе руки на свой идеально плоский живот.

— А как же наш малыш?!

Тишина. Лица у парочки и впрямь вытянулись. Профессор Корн, элегантная блондинка с холодными глазами, смотрит на меня так, словно я редкий и очень ядовитый вид плесени. А Филипп Его лицо превратилось в каменную маску. Аристократические черты заострились, а в темных глазах разгорается такой пожар, что мне на мгновение кажется — миссия вот-вот будет выполнена. Он испепелит меня прямо на месте.

— У вас связь со сводной сестрой, декан? — ледяным тоном произносит Аделия Корн, медленно поднимаясь со скамейки. Она одергивает складки своего безупречного платья и смотрит на Филиппа с плохо скрываемым отвращением.

— Прошу вас, профессор Корн, оставьте нас! — в голосе Филиппа едва сдерживаемый гнев. — Всё, что говорит Виктория — несусветная чушь! Я научу её манерам!

Ой-ой. Как же страшно!

Профессор Корн бросает на меня еще один уничтожающий взгляд, фыркает, как рассерженная кошка, и удаляется по дорожке, цокая каблучками с такой силой, будто пытается пробить дыры в камне.

Мы остаемся одни.

Тишина давит на уши. Музыка из зала кажется далеким, нереальным эхом. Я стою, все еще прижимая руки к животу, и чувствую, как по спине ползет липкий холодок.

Филипп медленно поднимается. Он просто смотрит. В его темных глазах бушует ледяная ярость, такая концентрированная, что воздух вокруг, кажется, начинает трещать. Он делает шаг ко мне. Потом еще один. Беседка вдруг кажется крошечной, ловушкой, из которой нет выхода.

— Малыш, значит? — у меня волосы на затылке встают дыбом. Филипп подходит вплотную, и я вынуждена задрать голову, чтобы смотреть ему в лицо.

— Я я — слова застревают в горле. План был в том, чтобы он меня убил, а не допрашивал с пристрастием!

— В твоей постели, говоришь? — он наклоняется еще ниже, его губы почти касаются моего уха. — Расскажи-ка мне подробнее, сестренка. Я, кажется, пропустил самое интересное.

Его рука внезапно ложится мне на талию, стальные пальцы сжимаются так, что я пишу от неожиданности. Второй рукой он обхватывает мой подбородок, заставляя смотреть прямо в его горящие гневом глаза.

— Ты снова решила поиграть, Виктория? — шипит он. — Ты думаешь, это забавная игра? Унизить меня перед коллегой? Опорочить мое имя?

Глава 9

Филипп подхватывает меня, с легкостью перекидывая через плечо.

— Эй! Поставь меня на место! Ты не имеешь права!

Но он не слушает. Его уверенные шаги гулко отдаются по дорожке, ведущей прочь от беседки, к уединенной полянке. Мир переворачивается, лунный свет дробится в листве деревьев, а я болтаюсь вниз головой, колотя кулачками по его каменной спине.

Филипп останавливается на краю поляны. Впереди — только обрыв и острые, как клыки, скалы, пронзающие ночное небо. Мужчина рывком ставит меня на ноги, но его руки, как стальные обручи, сжимают мои плечи.

— Надоело, — выдыхает он, и пар от его дыхания клубится в холодном воздухе. — Мне всё это надоело.

И тут начинается кошмар.

Его тело выгибается под неестественным углом. Я слышу жуткий хруст ломающихся костей, треск рвущейся ткани. Его кожа темнеет, покрываясь крупной, как булыжник, чешуей. Пальцы, сжимающие меня, удлиняются, превращаясь в черные, изогнутые когти. Лицо вытягивается, искажается, черты плывут, уступая место вытянутой, зубастой морде. Глаза становятся огромными, нечеловеческими.

Дикий, животный ужас парализует меня. Я хочу кричать,

но из горла вырывается лишь сдавленный хрип. Передо мной больше не декан Филипп Солин. Передо мной — дракон. Огромный, черный, как сама ночь, с глазами, горящими адским пламенем.

Дракон расправляет крылья — два кожистых полотна, которые заслоняют луну, погружая поляну в непроглядную тьму. Рев, вырывающийся из его глотки, сотрясает землю. Когтистая лапа, не разжимаясь, отрывает меня от земли. Я болтаюсь в воздухе, жалкая тряпичная кукла в лапах чудовища.

Мы взмываем в небо. Ветер бьет в лицо, вышибая дух. Земля стремительно удаляется. Академия — лишь россыпь крошечных огоньков. А впереди, всё ближе и ближе, вырастают из тьмы скалы. Их острые пики, освещенные луной, похожи на копья, нацеленные прямо в небо. Прямо в меня.

Он хочет убить меня?

Эта мысль не кричит, а шепчет в оглушенном ужасом сознании. Он принес меня сюда, чтобы сбросить на эти камни? Чтобы раз и навсегда избавиться от надоедливой «сестры»? Сердце колотится. Дыхание замерло в груди. Мы зависаем прямо над самой высокой и острой скалой. Дракон медленно поворачивает свою громадную голову, и его темные, немигающие глаза впиваются в меня.

Он сейчас меня отпустит. И это будет конец.

И ледяное спокойствие вдруг заливает меня. Конец. То, чего я так отчаянно добивалась.

— Отпускай! — шепот срывается с моих губ, теряясь в свисте ветра.

Дракон не двигается, лишь чуть склоняет голову, словно прислушиваясь.

— Отпускай! — кричу я уже во весь голос. — Давай! Чего ты ждешь?!

В глубине его глаз на мгновение вспыхивает что-то похожее на удивление. Чешуйчатые веки моргают. И он отпускает меня.

Когти разжимаются, и мир исчезает. Остается только свист ветра в ушах и стремительно несущиеся навстречу острые, как лезвия, камни. Я раскидываю руки, словно хочу обнять это небо, эту ночь, эту смерть. Ветер хлещет по щекам, и я чувствую, как по ним катятся горячие слезы. Не от страха. От облегчения. Наконец-то. Миссия выполнена. Я умираю.

— Флинт! Пусть следующая жизнь будет счастливой! Хорошо? — мысленно обращаюсь я к своему пушистому проводнику.

— Я постараюсь! — шепчет в ответ знакомый голосок в моей голове.

Я закрываю глаза, готовясь к последнему, сокрушительному удару. Скалы уже совсем близко, я почти чувствую их ледяное дыхание... Но вместо боли и темноты меня снова подхватывает что-то твердое и сильное. Когтистая лапа Филиппа.

Резкий рывок вверх, перепад давления, осознание того,

что я все еще жива, — все это обрушивается на меня одновременно. Шок от несостоявшейся смерти оказывается сильнее самого страха. Тьма застилает глаза, и я проваливаюсь в бездну.

Прихожу в себя в своей постели. Мягкие простыни, знакомый запах лаванды. Голова гудит, а в горле першит. Рядом с кроватью, скрестив руки на груди, стоит Филипп. Уже снова в человеческом обличье. Он смотрит на меня тяжело, изучающе.

— Почему не закончил начатое? — хриплю, с трудом приподнимаясь на локтях. Тело ломит, словно меня и впрямь разбили о скалы, а потом кое-как собрали заново.

— Потому что я понял, что ты делаешь это специально, Виктория! Тебе так плохо живётся в клане Солин?

Что ему ответить?

— Флинт! Флинт! — зову мысленно.

В тот же миг на моих коленях материализуется пушистый комок с огромными фиолетовыми глазами.

— Как жилось Виктории в семье?

— Она была несчастна, — его голос звучит не вслух, а прямо в моей голове — тихий, печальный шелест. — Каждый член семьи не стеснялся напоминать ей, что она лишь приживала. Никто. Пыль под ногами. Приёмные родители пренебрегали ею. Материально у неё было всё, но на самом деле Виктория была очень одинока. В этой семье никто не

любил её. Да что тут говорить, посмотри сама.

Флинт касается моих висков крошечными мягкими лапками. Мир взрывается калейдоскопом чужих чувств. Я больше не я. Я — Виктория Солин.

Мне десять. Я стою за тяжелой портьерой в гостиной и слышу, как кухарка Ниль шепчется с горничной:

- Опять приемщи этот тарелку кокнул. Руки-крюки. Грязная кровь, что с нее взять.

Я сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в ладони, и молчу.

Мне четырнадцать. Мои двоюродные сестры, Кристин и Мирабель, смеются за моей спиной, перебирая мои новые платья.

- Зачем тётушка тратит на нее столько денег? — шипит Кристин. — Все равно на ней все сидит, как на корове седло. Простушка.

Мирабель хихикает и «случайно» проливает на мои платья чернила. Когда я вбегаю в комнату, они смотрят на меня с ангельскими лицами.

- Ой, Викки, какая неприятность! Ты такая неловкая!

Мать, войдя на шум, наказывает меня.

- Эти вещи стоят дорого, Виктория! Теперь что хочешь, то и носи!

Мне семнадцать. Мы сидим за обеденным столом. Отец рассказывает о политике, братья — об успехах в академии. Все смеются, переговариваются. Я пытаюсь вставить сло-

во, рассказать о том, как выиграла школьный турнир по заклинаниям, но меня никто не слышит. Словно я пустое место, прозрачный стул. Отец бросает на меня мимолетный раздраженный взгляд, и я замолкаю, уставившись в свою тарелку. Еда кажется теплом во рту. Унижение — горькое, липкое — обволакивает меня, душит.

Мне восемнадцать. Ночь. Я сижу на широком подоконнике в своей роскошной, но такой холодной и пустой комнате. Слезы текут по щекам, капают на бархатную обивку. У меня есть всё, и у меня нет ничего. Нет любви, нет тепла, нет семьи. Есть только позолоченная клетка и вежливое равнодушие тюремщиков. И в эту ночь, глядя на своё заплаканное отражение в тёмном стекле, я принимаю решение. Если они не видят меня, когда я стараюсь быть хорошей, они увидят меня, когда я стану их худшим кошмаром. Если я для них — пустое место, я стану той пустотой, что поглотит их покой. Я заставлю их заметить меня. Я заставлю их ненавидеть меня. Ненавидеть — это ведь тоже чувство, правда? Это лучше, чем ничего. Я отомщу. За каждую слезинку, за каждый унижительный вздох, за каждое проигнорированное слово. Я разрушу их идеальный, благопристойный мир.

Воспоминания отступают. Я снова в своей комнате. Флинт тихонько мурлычет у меня на коленях, а Филипп стоит, нетерпеливо постукивая пальцами по изголовью моей кровати.

— Я тебя спрашиваю, Виктория!

Я медленно поднимаю на него глаза.

— Плохо? — говорю спокойно, и мой собственный голос удивляет меня своей ровной, холодной силой. — Это мало сказано. Невыносимо! Вот правильное слово. Я клянусь судьбу за тот день, когда попала в ваш прогнивший насквозь клан Солин! Лучше бы я умерла в том приюте в младенчестве! Зачем вы вообще меня удочерили? Чтобы было над кем издеваться? Чтобы на моём фоне вы казались ещё более идеальными?

— О чём ты говоришь? — декан хмурится. — С тебя всю жизнь пылинки сдували. У тебя было всё. Лучшие платья, лучшие учителя, любые книги...

— Уйди! — я резко встаю с постели.

Подхожу к нему вплотную и упираюсь ладонями в его широкую грудь, начиная выталкивать из комнаты. Филипп, огромный и сильный, поддаётся, ошеломлённый моим напором.

— Всё?! Ты называешь тряпки и побрякушки — «всем»?! А где было ваше внимание, когда меня травил ваши драгоценные родственнички? Где была ваша поддержка, когда я задыхалась от одиночества?

Я толкаю его всё сильнее, и вот мужчина уже пятится в коридор. Его растерянный вид даёт мне извращённое, горькое удовлетворение. Наконец-то! Наконец-то я пробилла эту броню невозмутимости.

— Я не знал... — шепчет он.

Последним усилием я выталкиваю его за порог и захлопываю дверь прямо перед его носом. Прислоняюсь спиной к холодному дереву, и ноги подкашиваются. Медленно сползаю на пол, обхватывая колени руками.

Сегодня был тяжёлый день. Сколько таких меня ещё ждёт в этом мире?

Глава 10

Стук. Настойчивый, безжалостный, выбивающий из сладкой дремы, словно таран из бревен. Бум-бум-бум! Кто-то явно решил, что моя дверь – это боевой барабан орков, и он – главный барабанщик.

Я раздраженно рычу в подушку, перекатываюсь на другой бок, пытаюсь укрыться от этого звукового насилия. Бесполезно. Стук становится только громче, наглее. Кажется, еще немного, и петли не выдержат.

Сбросив с себя одеяло, словно оно – причина всех моих бед, я шлепаю босыми ногами по полу. Волосы лезут в глаза, ночная сорочка предательски задралась, поправляю её. Сейчас я открою дверь и испепелю наглеца одним только взглядом.

Рывком распахиваю дверь, и мой праведный гнев спотыкается о фигуру на пороге. Делар.

— Что тебе нужно? — цежу, пытаюсь немедленно закрыть дверь.

— Филипп послал меня разбудить тебя. Он не хочет, чтобы ты опоздала на первое занятие. — Делар кривит губы в усмешке. — Думаешь, мне хочется с тобой нянчиться? Постарайся, чтобы такого больше не повторилось. Своих забот полно.

— Просто игнорируй меня в следующий раз. Без тебя пре-

красно справлюсь, — шиплю и с силой толкаю дверь.

Но она упирается во что-то твердое. В его ногу, нагло выставленную в проем. Делар делает шаг вперед, заставляя меня попятиться вглубь комнаты. Он нависает надо мной, огромный, темный, заполняя собой все пространство.

— Откуда в тебе столько наглости в последнее время, Виктория? — его голос становится тише, опаснее. — Где та кроткая овечка, которую не было видно и слышно все эти годы? Забыла, кто ты?

Внутри меня поднимается волна гнева и раздражения. Так обидно за первоначальную владелицу тела.

— О, как я могу! — вскидываю подбородок и сама делаю шаг ему навстречу, впиваясь взглядом в черные глаза. — Я всего лишь всеми брошенный ребенок! Прости за то, что твои родители решили удочерить меня. Прости, что мозолю твои идеальные глаза. Можешь просто не замечать меня, как и раньше? Договорились? Видеть тебя не могу. Проваливай!

Я вкладываю в последний рывок всю свою злость и обиду, захлопывая дверь прямо перед его носом. На лице Делара на долю секунды мелькает такое искреннее, такое чистое недоумение, что мне хочется рассмеяться.

Победа! Маленькая, но такая сладкая.

И тут мой взгляд падает на часы на стене. Стрелки безжалостно показывают, что до начала занятий осталось ничего. Катастрофически ничего.

Проклятье!

Я пулей влетаю в ванную. Ледяные струи душа мгновенно приводят в чувство, смывая остатки сна и злости. Выскочив, я распахиваю шкаф и замираю. На вешалке висит черный, облегающий костюм из эластичной ткани, похожей на вторую кожу. Быстро натягиваю на себя форму. Штаны плотно обхватывают бедра и икры, а топ с длинными рукавами и высоким воротом подчеркивает каждый изгиб. На груди и плечах – серебристая вышивка – эмблема академии в виде драконов. Никаких застёжек, никаких швов.

Как эта форма появилась в шкафу? Я точно помню, что здесь ничего подобного не было. Впрочем, это же магический мир, удивляться магическому гардеробу – последнее дело.

Прикосновение к ткани вызывает легкую щекотку, и костюм словно сам льнет к телу, обволакивая меня идеальной посадкой. Удивительно удобно.

Вылетаю из комнаты и несусь к тренировочному полигону, огромной открытой площадке, вымощенной серым камнем и окруженной полосой препятствий, от вида которой у меня заранее начинают ныть мышцы.

Я успеваю втиснуться в строй за секунду до того, как раздается громовой голос.

— Равняйся! Смирно!

Нахожу глазами Лину, мою новоиспеченную подругу, и пристраиваюсь рядом. Ее светлые волосы заплетены в тугую косу, а на лице – выражение мученической готовности. Чуть

впереди, в первом ряду, возвышается Гром. Он на голову выше всех остальных, и его мускулистая спина похожа на рельефную карту горного хребта.

А потом мой взгляд, против воли, скользит дальше и натывается на Филиппа. Он стоит перед нами, высокий, широкоплечий, в такой же черной форме, которая на нем смотрится как доспех темного бога. Он обводит строй цепким, оценивающим взглядом. Я тут же опускаю глаза в землю, стараюсь стать как можно незаметнее.

— Сегодня я проверю вашу выносливость! В завершении - полоса препятствий! На время! Последние десять — убивают загон для животных! Начали!

И ад разверзается.

Филипп гоняет нас так, будто мы не студенты магической академии, а новобранцы в легионе демонов. Мы бежим, пока легкие не начинают гореть огнем. Мы отжимаемся от раскаленных полуденным солнцем камней, пока руки не превращаются в дрожащие макароны. Мы таскаем друг друга на спинах, и когда моя очередь нести Лину, я всерьез думаю, что мой позвоночник сейчас просто рассыплется в труху.

— Двигайся, Виктория, это не прогулка в саду! — Выше ноги, адепт! Хочешь споткнуться о собственный позор? — Дыхание! Контролируйте дыхание, или оно будет контролировать вас!

Я стараюсь не смотреть на Филиппа, но чувствую его взгляд на себе постоянно. Он буравит мне спину, заставляет

выкладываться на пределе, выжимать из себя то, чего, как мне казалось, у меня никогда и не было.

Наконец, полоса препятствий. Последний рывок.

Мышцы горят, в горле першит от пыли. Я перемахиваю через высоченную стену, чудом не сорвавшись, проползаю под колючей магической сеткой, которая неприятно покалывает статикой, и из последних сил устремляюсь к финишной черте. Осталось совсем немного – пробежать по дорожке из шатающихся камней.

Я бегу, почти не видя ничего перед собой. В глазах плывет, ноги заплетаются. Один неверный шаг. Стопа соскальзывает, и я с размаху лечу вперед, больно ударяясь коленями о безжалостные, острые грани камней.

Боль вспыхивает ослепительной звездой, вышибая из легких остатки воздуха. Я лежу, распластавшись на земле, и не могу даже пошевелиться. Сил нет. Совсем. Только тупая, пульсирующая боль в коленях и горькое чувство поражения. Я – последняя. Я буду драить загон для животных. Какой позор!

Сквозь шум в ушах до меня доносится чей-то шепот, смешки. Я сжимаю зубы, пытаюсь подняться, но тело отказывается слушаться.

Тень падает на меня, закрывая солнце.

— Какая же ты слабая!

Голос Филиппа. Не дожидаясь моего ответа, он подхватывает меня на руки.

Я инстинктивно цепляюсь за его плечи, утыкаясь лицом в его шею. От него так приятно пахнет. Декан несет меня прочь с полигона, не обращая внимания на замерших в изумлении студентов. Их шепот следует за нами, как назойливый шмель.

— какие между ними отношения?

— он никогда не благоволил никаким студентам — может, она ему

Филипп молча вносит меня в лазарет. Это светлая, просторная комната, залитая мягким светом из высоких стрельчатых окон. В воздухе витает густой аромат сушеных трав. Вдоль стен стоят кровати с белоснежными простынями, а на полках в стеклянных шкафах теснятся сотни склянок, баночек и пучков с травами.

Лекаря на месте нет. Филипп, не говоря ни слова, осторожно опускает меня на одну из кушеток. Я шиплю от боли, когда ткань формы касается ободранной кожи.

Он подходит к одному из шкафчиков, решительно распаковывает его и, пробежавшись взглядом по этикеткам, достает маленькую глиняную баночку. Открывает. По комнате тут же разносится резкий, но приятный запах трав.

Вернувшись ко мне, он без всяких церемоний опускается на одно колено. Его пальцы находят край моей штанины. Я вздрагиваю, когда Филипп медленно, сантиметр за сантиметром, закатывает ткань вверх, обнажая мои ноги. Я сглаживаю, чувствуя, как по коже бегут мурашки от его прикос-

новения.

Филипп задирает штанину до середины бедра, и его взгляд на мгновение задерживается на моих ногах, прежде чем сфокусироваться на разодранных в кровь коленях. Мужчина зачерпывает кончиками пальцев немного зеленоватой, густой мази. Его пальцы кажутся обжигающе горячими, когда он касается моей кожи чуть ниже раны. Я резко вдыхаю, и он поднимает на меня взгляд.

— Потерпи, будет немного щипать.

И он начинает втирать мазь. Осторожно, бережно. Филипп не просто размазывает лекарство, он обводит каждый контур моей коленной чашечки, каждый изгиб, словно изучает рельеф незнакомой земли. Его большой палец медленно скользит по моей коже, оставляя за собой холодящий, мятный след и шлейф иного, внутреннего жара.

Я смотрю на его склоненную голову, на тёмные волосы, в которых играют солнечные лучи, на напряжённую линию его челюсти. Я чувствую его дыхание на своей коже. Его прикосновения становятся легче, почти ласковыми. Боль постепенно утихает, сменяясь приятным холодком. Я расслабляюсь, откидываюсь на кушетку.

Когда он заканчивает с одной ногой, то не спешит переходить к другой. Его рука замирает на моем бедре, всего в нескольких дюймах от штанины. Ладонь просто лежит, но ее вес, ее тепло прожигают насквозь, посылая разряды тока по всему телу.

— Почему ты никогда не сопротивляешься?

Я теряюсь. Вопрос застаёт меня врасплох.

— Что?

— Делару. Сегодня утром. Я слышал, — уточняет он, и его большой палец едва заметно поглаживает мою кожу. — Ты впервые дала ему отпор. Почему молчала все эти годы? Позволяла всем относиться к себе как к пустому месту?

Я отвожу взгляд, уставившись на склянки на полках.

— А какой был смысл? — шепчу. — Я чужачка. Прижи-валка. Я только и жду момента, когда смогу избавиться от вас.

Глава 11

— Ты так сильно нас ненавидишь, Виктория? — тихо спрашивает Филипп.

Мужчина большим пальцем касается моей щеки и стирает пятно грязи.

Я вскидываю на него глаза.

— Ты даже не представляешь, насколько.

На миг его взгляд меняется. Становится темным, опасным. Но уже в следующую секунду лицо декана снова становится непроницаемым.

Он закручивает крышку на баночке с мазью и неожиданно бросает её мне. Я ловлю на автомате, едва не ойкнув, потому что резкое движение отзывается болью в ноге.

— Вторую коленку намазывай сама, — грозно бросает он и, даже не оглянувшись, покидает помещение.

Дверь за ним хлопает не слишком сильно, но достаточно выразительно, чтобы я закатила глаза. Ну и иди себе. Подумаешь, декан. Я сердито хмыкаю, задираю вторую штанину и щедро зачерпываю мазь. Стоит только коснуться содранной кожи, как из меня вырывается громкое:

— Ш-ш-ш, да чтоб вас всех...

Стискиваю зубы, размазываю зеленоватую дрянь по колену и мысленно желаю полосе препятствий провалиться в бездну. Вместе с её создателем. И с тем гением, который ре-

шил, что острые камни — это прекрасный способ воспитать характер у адептов.

Хотя характер у меня и без того чудесный. Язвительный, живучий и крайне плохо совместимый с авторитетами.

Дверь в лазарет распаивается так, будто её вышибли боевым тараном, и в помещение врывается белокурый вихрь по имени Лина.

— Викки!

Она подлетает ко мне, светлые локоны выбиваются из косы, голубые глаза распахнуты так широко, словно меня тут уже торжественно отпевают. Следом входит Гром.

— Бедняжка, - девушка помогает мне наложить повязку на коленки.

Лина всхлипывает так трагично, что ей бы на сцену королевского театра, и тут же осторожно присаживается рядом со мной на край кушетки.

— Болит сильно?

— Только когда дышу, моргаю и существую, — сообщаю мрачно.

— Значит, сильно, — делает вывод она и бросает на Грома взгляд, полный немого укора, будто это он лично разложил на полосе препятствий булыжники поострее.

Орк складывает на груди ручищи размером с хорошие щиты и басит:

— Кто толкнул?

— Никто, - вздыхаю. — Сама виновата. Не берите в голову.

— Вставай, героиня полосы препятствий. Мы проводим тебя до комнаты, - Лина помогает мне подняться с кушетки.

— Я и сама могу дойти.

Колени вспыхивают огнём, я сдавленно втягиваю воздух и тут же оказываюсь зажата между Линой и Громом, как особо ценная, но крайне неустойчивая реликвия.

До комнаты мы добираемся медленно. Коридоры академии гудят утренними голосами, где-то звенит смех, хлопают двери, пахнет свежим хлебом из столовой. Я ловлю на себе любопытные взгляды, но сегодня мне удивительно всё равно. Пусть смотрят.

В комнате я первым делом выпроваживаю друзей за дверь, клятвенно пообещав не умереть в процессе переодевания. Быстро умываюсь прохладной водой, приглаживаю волосы. Натягиваю свежую белую блузку и строгую черную юбку. Застегиваю на плечах тяжелую мантию с гербом академии.

Завтрак пролетает незаметно, и вот я уже вместе с Линой и Громом хромаю на следующее занятие. Сегодня по расписанию – древние руны.

Аудитория, где проходит лекция, напоминает древний амфитеатр. Каменные ступени уходят вверх, а в центре, на возвышении, стоит массивный стол, испещренный символами, которые светятся и переливаются всеми цветами радуги.

Я занимаю место в середине. Лине и Грому достаются места в самом последнем ряду. Почти сразу передо мной воз-

никает та самая вампирша, «невеста» среднего брата, со своей неизменной свитой. Девушка опускается на свое место с грацией хищницы, даже не удостоив меня взглядом. Она ведёт себя так, будто весь этот мир — ее личное владение, а все мы — лишь надоедливые муравьи. Кстати, о мире...

-Флинт, Флинт! — мысленно зову своего проводника.

- Ты находишься в мире Ниар. Академия расположена в королевстве Этерия, в его столице — городе Аметистовых Теней.

Этерия. Звучит красиво, почти воздушно. Я мельком бросаю взгляд на вампиршу. Королева Этерии, не иначе.

В аудиторию входит магистр Вортекс, высокий, сухой старик.

— Доброго дня, адепты.

Сегодня мы коснемся самой сути рун. Познаем энергию, из которой они родились.

Он взмахивает рукой, и стол в центре вспыхивает фиолетовым пламенем. Над ним начинают формироваться руны. Я затаиваю дыхание. Магия! Самая настоящая! Я так же смогу?

— Ваша задача — не начертать руну, этому вы учились в школах, а *поймать* ее, — продолжает магистр. — Почувствовать ее вибрацию и заключить ее в ментальную конструкцию.

Я сосредотачиваюсь, вглядываясь в пляшущие символы, и ничего не понимаю. Флинт запрыгивает мне на плечо и

говорит на ухо.

- Вон та, похожая на закрученную спираль — руна перемен. Призови её мысленно.

Пытаюсь делать, как говорит Флинт. Тянусь к ней мысленно, пытаюсь нащупать ее контур, но она ускользает, рассыпавшись на тысячу осколков. Рядом кто-то вскрикивает — его попытка заканчивается небольшим магическим разрядом, опалившим брови.

Вампирша же действует с ленивой грацией. Она даже не смотрит на стол. Прикрыв глаза, девушка протягивает вперед изящную руку с длинными, покрытыми черным лаком ногтями. Темная энергия срывается с ее пальцев, плывёт к столу и, словно арканом, захватывает руну. Символ бьётся в ее хватке, а затем покорно застывает в воздухе перед ней, источая холодное, мертвенное сияние. На ее губах играет торжествующая ухмылка. Она смотрит на магистра и едва заметно кивает, принимая его безмолвное одобрение.

Меня захлестывает азарт. Я не хуже! Снова сосредоточившись, я отбрасываю все мысли и позволяю интуиции вести меня. Мой взгляд цепляется за крошечную, почти незаметную руну, похожую на треснувшую звезду.

— Руна прозрения, - шепчет Флинт. - Она быстрая и юркая. Не пытайся захватить ее силой. Вместо этого создай вокруг нее ментальную ловушку.

- Понятия не имею, с чего начать.

- Просто представь себе. Слышала о визуализации?

- Слышала, слышала.

Представляю себе, как вокруг руны возникает фиолетовый прозрачный купол. И он на самом деле возникает. Хочется захлопать в ладоши от радости, но я сдерживаюсь... с трудом. Руна мечется в моей ловушке, а потом успокаивается не найдя выхода. Мое лицо озаряется довольной улыбкой. Я мельком смотрю на вампиршу. Уголок ее идеальных губ едва заметно кривится.

Через некоторое время звон колокола возвещает об окончании занятия. Я сбрасываю остатки концентрации и, потирая виски, направляюсь к выходу, мысленно готовясь к следующему уроку — Истории Магических Артефактов.

Я хромаю по коридорам академии, Лина и Гром где-то позади. Чья-то сильная рука вдруг хватает меня за локоть и беззастенчиво втягивает в пустую нишу за статуей какого-то древнего архимага.

Передо мной, загораживая свет, стоит Риан. Его платиновые волосы слегка растрёпаны. Он одет в безупречно скроенную форму, которая лишь подчёркивала его атлетическую фигуру.

— Слышал, ты сегодня поранилась?

Я выдергиваю руку из его хватки и скрещиваю их на груди, вскинув подбородок.

— Тебе есть до этого дело?

— Не будь такой дерзкой, Виктория! — он шагает ближе, вторгаясь в мое личное пространство. — Я переживаю толь-

ко лишь за репутацию клана.

Я фыркаю, не сдержав саркастической усмешки.

— Ну конечно. Репутация.

Его лицо напрягается, желваки ходят под гладкой кожей.

— В конце недели приём в честь дня рождения матушки.

Ты должна выглядеть соответствующе, иначе...

— Иначе что? — я делаю ответный шаг, сокращая дистанцию до минимума, и с вызовом заглядываю сногсшибательному блондину в глаза. — Накажешь меня?

Не дожидаясь ответа, я медленно веду кончиком пальца по его мощной груди, ощущая сквозь ткань рубашки твёрдость мышц и частое биение его сердца. Его дыхание сбилось.

— Или избавишь клан от обузы? — мой голос становится тихим, вкрадчивым шёпотом. Я чуть приподнимаюсь на носочках, приблизив губы к его уху. — Могу посодействовать, хочешь?

Я отстраняюсь и, глядя ему прямо в глаза, дерзко подмигиваю.

Эффект мгновенный. Риан сжимает челюсти так, что слышится тихий скрип зубов. Его рука резким, злым движением отбрасывает мою, словно я обожгла его. В его глазах полыхает настоящий пожар.

Я тихо хихикаю, наслаждаясь произведённым фурором. Разворачиваюсь и бросаю через плечо:

— Увидимся на приёме, братик Риан!

Не оборачиваясь, я спешу прочь по коридору, чувствуя на спине его испепеляющий взгляд. Боль в коленях значительно утихла, и я облегчённо вздыхаю. Меня догоняют Лина и Гром, и мы вместе идём на следующее занятие.

Глава 12

Голова магистра Лиарии Мэнс мерно покачивается в такт ее собственному голосу, словно маятник, отсчитывающий секунды до сладкого забвения. Тема лекции: «Классификация и применение рунных камней докатастрофического периода». Звучит так же захватывающе, как и выглядит сама магистр. Сухонькая, как прошлогодний гербарий, с туго стянутыми в пучок седыми волосами и лицом, на котором застыло выражение вселенской скорби по утраченным знаниям. Ее монотонный, скрипучий голос убаюкивает, тянет в сонную трясику. Веки наливаются свинцом, и вот я уже не в душной аудитории, а парю над облаками из сладкой ваты...

— Псст! — острый локоть Лины впивается мне в бок.

Я вздрагиваю и подлетаю на стуле, едва не смахнув на пол чернильницу. По аудитории проносится волна сдавленных смешков. Магистр Мэнс прерывает свою погребальную песнь о рунах и впивается в меня взглядом выцветших глаз. Я виновато опускаю голову, чувствуя, как щеки заливают предательский румянец.

К обеду я уже готова съесть целого слона, не поперхнувшись. В столовой гул стоит такой, что закладывает уши, но аромат жареного мяса с травами и свежей выпечки перекрывает все. Я наваливаю себе в тарелку гору картофельного пюре, щедро поливаю его мясной подливкой с грибами, добав-

ляю пару румяных котлет и огромный кусок яблочного пирога.

— Ты точно девушка, а не замаскированный орк? — хмыкает Лина, ковыряя вилкой свой скромный салатик.

Рядом с ней, как всегда, возвышается Гром. Орк с его массивной фигурой умудряется двигаться с поразительной грацией. Он молча подкладывает в тарелку Лины самый сочный кусок мяса. Она бросает на него быстрый благодарный взгляд, и уголки ее губ трогает нежная улыбка. Милота. Улыбаюсь.

Мой взгляд скользит к столу у окна. Мои сводные братья. Филипп, Риан и Делар. Как всегда, в центре внимания. Сегодня они, к счастью, полностью игнорируют мое существование. И слава богам. Особенно Филипп. От одного взгляда на него у меня внутри все переворачивается и летит в тартарары. Жаль, что между нами пропасть, которую не перелететь даже на драконе.

Едва я добираюсь до своей комнаты, мечтая рухнуть на кровать, как из тени коридора выступает высокая фигура, преграждая мне путь. Филипп. Сердце делает кульбит и замирает.

— Ты же не забыла, что пришла последней на полосе препятствий?

— Помню, — бросаю на декана злобный взгляд, потому что прекрасно понимаю, к чему он клонит.

— Законы для животных сегодня полностью в твоём рас-

поражении, Виктория.

— Ты серьёзно? — скрещиваю руки на груди, чувствуя, как внутри закипает бессильная ярость. — Я же сегодня покалечилась!

— Уже всё прошло. Не так ли? — Филипп делает шаг вперед, и я инстинктивно отступаю, пока не упираюсь спиной в дверь. Он хватает меня за руку, его пальцы смыкаются на моем запястье, горячие и твердые. Декан нагло тащит меня за собой.

— Изверг. Тиран, — шиплю, едва поспевая за его широким шагом.

Коленки и правда больше не беспокоят. Ни малейшей боли. Что это за чудодейственная мазь такая?

Мы выходим на задний двор академии, и я замираю. Мои глаза, кажется, готовы выскочить из орбит и укатиться по брусчатке. Это не просто загоны. Это целый мир, сошедший со страниц древних бестиариев. В одном, за изгородью пасутся олени. Их шерсть отливает жидким серебром, а на ветвистых рогах, словно новогодние игрушки, покачиваются крошечные, цветущие бутоны фиалок. В соседнем вольере, окруженном рвом с лазурной водой, дремлют, свернувшись в клубки, девятихвостые лисы. Их мех — чистое пламя, а кончики девяти хвостов тлеют, испуская мягкое, теплое сияние. А дальше... Быки. Огромные, как осадные башни, со шкурой мятного цвета и рогами, по которым то и дело пробегают синие электрические разряды.

Филипп останавливается у загона с быками и торжественно вручает мне лопату, тяжеленное ведро, скребок и толстые кожаные перчатки.

— Приятной работы, — в его голосе звенят насмешливые нотки.

Рядом уже трудятся, пыхтя и отдуваясь, еще пара студентов-неудачников. Тяжело вздохнув, я приступаю к работе. Запах мокрой соломы, земли и испражнений бьет в нос. Работа монотонная и унижительная. Подцепить лопатой огромную, дымящуюся «лепешку», наполнить ведро, дотащить до тележки, вывалить. И снова. Мышцы ноют, пот стекает по вискам, приклеивая к коже выбившиеся пряди волос.

Внезапно земля под ногами начинает дрожать. Один из громовых быков, самый крупный, видимо вожак, поднимает свою массивную голову. Его ноздри яростно раздуваются, а глаза, до этого момента сонные, наливаются багровым огнем. Что-то вывело его из себя. Он издает низкий, вибрирующий рев, от которого у меня закладывает уши, и, встав на дыбы, обрушивает передние копыта на землю. Искры летят от удара. Его взгляд прикован ко мне. Он готовится атаковать. Затаптать. Стереть в порошок.

— Виктория! — голос Филиппа.

Все происходит в одно мгновение. Ревущий монстр, летящие в меня комья земли, я парализованная страхом. Ноги будто вросли в землю, не могу пошевелиться. Но прежде чем бык успевает сделать второй шаг, меня срывает с места

сильная рука.

Тело Филиппа врезается в меня, выбивая дух. Его рука на моей талии. Мужчина тащит меня назад, рывком, так что ноги отрываются от земли. Мимо моего лица проносится огромное копыто. Оно с оглушительным треском врезается в землю там, где я только что стояла.

Падаю на что-то твердое и теплое. Грудь Филиппа. Я вжимаюсь в него, дрожа всем телом, и слышу, как бешено колотится его сердце — или мое, я уже не различаю. Мужчина не отпускает, наоборот, сжимает сильнее, одной рукой обхватив меня за талию, другой прикрывая мою голову. Его запах — свежий, приятный. Он дурманит, парадоксальным образом успокаивая панику. Филипп — живой, горячий щит между мной и смертью.

Не выпуская меня из объятий, декан уносит меня из загона. Мои ноги не касаются земли, я болтаюсь в его руках, как тряпичная кукла, и только сейчас понимаю, что вцепилась в его рубашку мертвой хваткой. Он усаживает меня на скамью в увитой плющом беседке у озера. Вода в нем темная, почти черная, и в ее глади отражается багровеющее закатное небо.

— Почему ты спас меня? — шепчу, поднимая на него удивленный, все еще испуганный взгляд. — Разве ты не хочешь моей смерти?

— Что у тебя в голове, Виктория? — Филипп хмурится, и его лицо на мгновение теряет свою надменную маску, становясь почти... обеспокоенным. Он отвешивает мне в лоб

шуточный, совсем несильный щелбан. Я морщусь скорее от неожиданности, чем от боли. — Никто из семьи не хочет твоей смерти. Просто будь послушной. Не доставляй проблем.

Так не получится. Доставлять вам проблемы — моя миссия. Мое единственное предназначение. Я должна умереть от ваших рук, чтобы обрести свободу.

На моем плече с легким хлопком материализуется Флинт. Он едва заметно подрагивает, хвост нервно подергивается.

- *У тебя не так много времени, Виктория, — раздается его голосок прямо у меня в голове. — Придумай, как спровоцировать Филиппа. Сейчас подходящий момент. Он выбит из колеи.*

- *Что бесит его больше всего?* — мысленно обращаюсь к зверьку, не отрывая взгляда от мужчины напротив.

- *Филипп не приемлет, когда вторгаются в его личное пространство без его разрешения. Он ценит контроль превыше всего.*

Не приемлет, значит... Ох! Была не была!

Я медленно выдыхаю, сбрасывая остатки страха и натягивая на лицо маску кокетливой дурочки. Выпрямляю спину, отчего грудь подается вперед, и демонстративно медленно поправляю выбившуюся прядь волос, проводя пальцами по шее. Затем, подавшись вперед, я придвигаюсь к Филиппу так близко, что наши колени соприкасаются. Он вздрагивает от этого легкого касания, словно от удара током.

— Ты спас меня сегодня, — мой голос становится низким,

с хрипотцой. — Как хочешь, чтобы я отблагодарила тебя?

Не дожидаясь ответа, я поднимаю руку и провожу кончиком пальца по резкой линии его челюсти. Филипп напрягается, превращаясь в натянутую струну, но не отстраняется, чем вызывает моё удивление. Мои пальцы скользят ниже, очерчивая его упрямый подбородок, покрытый легкой щетиной, которая приятно царапает подушечки. Я чувствую, как от моей ласки учащается мужское дыхание. Мой палец находит ямочку на подбородке, задерживается там на мгновение, а затем медленно ползет вверх, к его губам. Но в последний момент я меняю траекторию и спускаюсь к его шее. Я касаюсь его кадыка, чувствуя, как он дергается, когда мужчина с шумом сглатывает.

— Что ты делаешь, Виктория? — хрипит Филипп, его голос становится на октаву ниже, а в темных глазах вспыхивают опасные молнии.

— Благодарю, — шепчу с придыханием, наклоняясь еще ближе. Мои губы почти касаются его кожи. Я чувствую жар, исходящий от него, и сводящий с ума приятный аромат.

И в этот момент, собрав всю свою наглость в кулак, я легонько прикусываю его кадык. Реакция превосходит все мои самые смелые ожидания.

Меня отбрасывает назад с такой силой, будто я ткнула палкой в разъяренного быка. Мир превращается в смазанное пятно. Я лечу спиной к резной стене беседки, уже готовясь к болезненному удару, но он не случается. В последнюю до-

лю секунды Филипп оказывается рядом. Он ловит меня, его рука обвивает мою талию, а вторая впивается в плечо. Мужчина вжимает меня в стену, лишая любой возможности пошевелиться.

Его лицо слишком близко к моему. Филипп дышит тяжело, прерывисто, и каждая клеточка моего тела ощущает исходящую от него ярость. То, что нужно.

— Ты сегодня перешла все мыслимые и немыслимые границы, — цедит мужчина сквозь стиснутые зубы. — Ты же понимаешь, что последует наказание?

Глава 13

Воздух в беседке наэлектризован до предела. Еще немного, и между мной и Филиппом проскочит молния, способная испепелить весь этот благоухающий розами двор Академии Драконов. Мы стоим слишком близко друг к другу. Его темные, почти черные глаза сверлят меня, и я отвечаю ему таким же испепеляющим взглядом.

— Что вы делаете?

Голос Делара врывается в нашу безмолвную дуэль. Мы с Филиппом одновременно отшатываемся друг от друга, словно нас поймали на месте преступления. Делар подходит стремительно. Красавчик невозможный, что сказать. Генетика у них, чтоб ее, просто возмутительная.

— Почему я сегодня весь день чувствую, что ты в опасности? — Делар хватается меня за руку.

Я тут же выдергиваю ладонь.

— Почему ты вообще это чувствуешь? — голос Филиппа спокоен, как гладь горного озера, но я вижу, как побелели костяшки его сжатого кулака. Этот человек — вулкан под ледяной коркой.

— А сам как думаешь?

В следующее мгновение Филипп резко разворачивает меня к себе. Его движения точны и властны. Он отодвигает прядь моих волос с шеи, и его взгляд застывает. Я знаю, что

он там видит. Два прокола — следы укуса Делара. Тихое злое шипение срывается с губ декана.

И почему он злится? Не его же шею поместили.

— Ко мне в кабинет. Сейчас же! — бросает Филипп младшему брату, не глядя на него. Затем его взгляд возвращается ко мне, холодный и отстраненный. — Виктория, надеюсь, ты сама найдешь дорогу в свою комнату?

— Что ты имел в виду, говоря, что у меня мало времени? — спрашиваю я у Флинта, погружаясь в горячую, ароматную воду в своей ванной.

— До конца месяца нужно завершить миссию, — Флинт сидит на бортике ванны и играет со своим хвостом.

— Что будет, если не получится? — намыливаю голову.

— Не будем забегать вперед. Скоро день рождения твоей приемной матушки. Идеальное время осуществить задуманное. Постарайся, Виктория. В этот день все братья будут на взводе.

— Я постараюсь, Флинт, — выдыхаю, смывая пену. — Буду действовать до последнего.

Выбравшись из ванны, я хватаю огромное пушистое полотенце и вытираюсь. Затем закутываюсь в мягкий халат, завязываю пояс потуже и выхожу из ванной комнаты, все еще погруженная в свои мысли.

На ходу вытираю влажные волосы полотенцем и успеваю сделать всего шаг, прежде чем с размаху врезаюсь во что-

то — нет, не во что-то, а в кого-то большого, тёплого и до неприличия твёрдого.

Полотенце соскальзывает мне на плечи. Я вскидываю голову — и вижу Риана.

Он, как всегда, неприлично красив: светлые волосы чуть растрёпаны, глаза сияют опасным, насмешливым огнём, а на губах играет усмешка, от которой у половины академии подкашиваются ноги. У меня, впрочем, тоже. Но я скорее умру, чем признаюсь в этом вслух.

— Как ты сюда попал? — спрашиваю я и поспешно плотнее запахиваю халат на груди.

Он скользит взглядом по моему лицу, по мокрым прядям, по ключицам, где ещё блестят капли воды, и от этого взгляда мне вдруг становится жарче, чем было в ванной.

— Без особого труда, — лениво отвечает он и делает шаг ко мне.

Я тут же отступаю.

— Чем опять я тебе не угодила? — пячусь назад. — Слишком громко дышу?

— Перестань язвить, Виктория.

Риан подходит ещё ближе и, будто имеет на это полное право, проводит пальцами по моим мокрым волосам. Медленно. Почти задумчиво.

— Ты решила соблазнить всех братьев разом? — тихо спрашивает он. — Чего ты добиваешься? Расскажешь?

Я фыркаю, хотя голос предательски садится.

— Это секрет.

И пытаюсь обойти его стороной. План, надо признать, блестящий. Почти гениальный. Если не учитывать одну маленькую проблему по имени Риан, у которой слишком быстрые руки, слишком хорошая реакция и совершенно отвратительная привычка не считаться с моими блестящими планами.

Я успеваю сделать только полшага. Потом мир резко меняет направление.

Его ладонь обхватывает моё запястье, вторая ложится мне на талию, и в следующую секунду я уже падаю на кровать, утопая в мягком покрывале, а блондин нависает сверху — горячий, тяжёлый, ослепительно красивый и до невозможности уверенный в себе. Халат распахивается на коленях, влажные волосы рассыпаются по подушке, и я на миг замираю не от страха даже, а от того, как близко оказывается его лицо.

Слишком близко.

Непозволительно.

От него пахнет головокружительно. Очень приятно. Чем-то свежим и ягодным.

— Зачем тебе это? — спрашивает он уже совсем тихо. Его ладонь скользит выше, обхватывает моё лицо. — Ты и так член клана Солин.

Его бедро упирается между моих ног, не давая толком шевельнуться, одна рука держит меня за запястье над головой, другая всё ещё лежит на щеке.

— Говорю же, секрет, — отвечаю с вызовом. — Я тебе ничего не скажу.

— Тогда мне придётся выбить из тебя ответ, - его глаза опасно темнеют.

— Может, уже слезешь с меня? — шиплю, пытаюсь вернуться из-под него. Мои попытки жалки, как трепыхания бабочки в кулаке великана. Риан даже не двигается, лишь уголок его губ насмешливо изгибается.

— А если нет?

— Тогда я закричу.

— Кричи, — выдыхает блондин, и его лицо оказывается слишком близко. — Мне даже интересно, что именно ты будешь кричать, когда я с тобой закончу.

Я взбрыкиваю, извиваюсь всем телом, пытаюсь скинуть его с себя. Мои кулачки молотят по его широким плечам, но это всё бесполезно. И в следующее мгновение его губы накрывают мои.

Первый миг — это шок. Я замираю, а Риан пользуется этим, властно сминая мои губы, требуя ответа, которого я не собираюсь давать. Я сжимаю рот, пытаюсь оттолкнуть его, уперевшись ладонями в его грудь. Тщетно. Мышцы под моей ладонью твердые, как вековой дуб. Он лишь сильнее прижимается ко мне, лишая воздуха, пространства, воли.

Поцелуй становится яростнее. Его язык настойчиво скользит по линии моих сомкнутых губ, и я упрямо мотаю головой. Это только раззадоривает его. Одна рука Риана от-

рывается от кровати и обвивает мой затылок, пальцы властно зарываются в мои влажные волосы, фиксируя голову. Теперь мне некуда деться.

Он рычит — тихий, горловой звук, полный разочарования и огня, — и слегка прикусывает мою нижнюю губу. Не больно, но так неожиданно, что я невольно ахаю, и этого ему достаточно.

Он вторгается в мой рот, как победитель в захваченный город. Все мои попытки сопротивления рассыпаются в прах. Его язык такой горячий. Он исследует, требует, дразнит, сплетается с моим в неистовом, собственническом танце. Вкус у него с привкусом меда и мяты, пьянящий, дурманыщий, лишающий рассудка.

Я забываю, что должна бороться. Мои руки, которые секунду назад пытались его оттолкнуть, бессильно опускаются, а затем, словно сами по себе, пальцы вцепляются в ткань его рубашки на плечах, комкая ее. Риан чувствует эту перемену. Его напор смягчается, ярость уступает место обжигающей, всепоглощающей нежности. Поцелуй становится глубже, медленнее, интимнее. Теперь он не завоевывает, а соблазняет, уговаривает, обещает неземное блаженство. Его язык ласкает мой, обводит контуры зубов, скользит по нёбу, и я тихо стону ему в рот.

Этот звук, тихий и сдавленный, действует на него как искра на порох. Он отрывается от моих губ, но лишь на мгновение, чтобы жадно глотнуть воздух.

— Вот так, — шепчет он, его дыхание опалает мою кожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.